

# Андрей КИВИНОВ

## Русская угроза



ЗНАК КАЧЕСТВА

ИНОГДА НАЖАТИЕ НЕ ТОЙ КНОПКИ  
МОЖЕТ ПРИВЕСТИ К РЕВОЛЮЦИИ

# Андрей Владимирович Кивинов

## Русская угроза (сборник)

*Текст предоставлен издательством*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=5978131](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5978131)*

*Русская угроза / Андрей Кивинов: Астрель; Москва; 2012*

*ISBN 978-5-271-43017-6, 978-5-9725-2275-0*

### Аннотация

Жизнь порой абсурдней и опасней любой выдумки. А жизнь в России особенно. Поездка в глубинку может обернуться кошмаром. Пустяковое обращение к чиновнику – телесными повреждениями. Поиски сокровищ привести на ны, нажатие не той кнопки – к революции.

Непредсказуемо, жутковато, но весело!

# Содержание

Революция, которая жила на крыше	5
Русская угроза	58
Конец ознакомительного фрагмента.	95

# Андрей Кивинов

## Русская угроза (сборник)

© Андрей Кивинов, 2012

© ООО «Астрель-СПб», 2012

*Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.*

### **ВНИМАНИЕ:**

*В соответствии с проектом закона, внесенным на рассмотрение в Государственную Думу, чтение данной книги запрещено с 10 до 22 часов, как содержащей сцены насилия и жестокости.*

*Черный юмор – убежище от светлого безумия.  
Витаутас Каралюс.  
Литовский писатель*

# Революция, которая жила на крыше

*Автор выражает признательность Иосифу  
Аполлоновичу Каландия*

*Случайности нужны Богу, чтобы сохранить  
анонимность.  
А. Эйнштейн*

– Дедушка, а ты пойдешь со мной?

– Нет, Игорек, в зал пускают только детей. Я подожду на скамейке перед театром.

– А я не хочу один.

– Ты уже большой мальчик, привыкай быть самостоятельным.

– Нет, я еще маленький. Ну пойдем...

Внук потянул меня за руку, увлекая из гардероба в фойе.

– Игорек, я уже видел этот спектакль. Подожди...

– Как ты его мог видеть? Мы же здесь первый раз.

– Я тоже когда-то был маленьким. И мой дедушка тоже ждал на улице. Такие правила. Хочешь, я куплю тебе мороженое? – Я кивнул на тележку-холодильник, которую осадил юные зрители.

– Нет, у меня болит горло. А ты не хочешь идти, потому

что спектакль плохой.

– Спектакль очень хороший, поверь мне... Видишь, никого из взрослых не пускают, – свернутой газетой я показал на двух молодых мамаш, щебетавших возле входа в зрительный зал.

– Дурацкие правила, – подвел черту внук, отпустил мою руку и, шаркая ботинками, направился к улыбающейся служительнице театра, помогавшей зрителям найти свои места.

Убедившись, что внук благополучно нашел свое кресло, я покинул театр, дошел до сквера напротив и присел на одну из скамеек, подстелив упомянутую уже газету. Что за идиотская мода у нынешней молодежи – сидеть на спинках, поставив ноги на сиденья? И отговорка типичная: «А все сидят!»

Можно было пойти прогуляться по Невскому, благо ноябрьское утро радовало безветрием и таким редким теплом. Но межпозвонковая грыжа язвительно напомнила: «Сиди уж, старый, и не дергайся. Догулялся».

Не такой, кстати, и старый. Всего пятьдесят два. Как писал Лев Толстой – точка на горе, с которой видно обе стороны – и то, что было, и то, что приблизительно будет. Может, с небольшими отклонениями.

Я соврал внуку – дед не водил меня на этот спектакль. И вообще не водил в театр, воспитывая во мне приверженца кинематографа и футбола. Но в театре я, конечно, бывал. И не только в качестве зрителя.

Боже, как же все быстро промчалось. Словно на монтаж-

ном столе у режиссера. Раз – и ты идешь в первый класс, два – и ты забираешь дочку из роддома, три – и тебе вставляют имплантат вместо выпавшего зуба и колют в задницу уколы от радикулита.

И лишь Аполлон, управляющий колесницей на фронте театра, вечно молодой. Никаких выпавших зубов, проблем с радикулитом и предстательной железой. Потому что божество. Хоть и языческое.

Я поднял на него глаза. «Здравствуй, приятель. Говорят, вы, боги, управляете человеческими судьбами. Извини, если обижу, но, по-моему, это полная чепуха. Иначе всем бы жилось хорошо. Ведь мы же ваши дети, а детей надо любить. Скажи вот, Аполлон Зевсович, покровитель муз, почему тогда, в восемьдесят втором, ты направил меня по ложному пути? Почему дал совершить ошибку? Может, все бы у меня сложилось по-другому. И не сидел бы я сейчас на вытоптанной грязными ботинками скамейке, а блистал бы на киноэкране или на сцене. И узнавали бы меня на улице, и брали автографы, и благодарили за то, что я есть.

А кто поблагодарит стареющего электромонтера? Разве только жильцы дома, которым поменял проводку или починил розетку. И ведь прошлых ошибок не исправишь. Не даешь ты шанса вернуться назад.

В общем, ничего ты не можешь, Аполлон Зевсович, кроме как стоять здесь со своей колесницей и подвергаться голубиным бомбардировкам».

Почему я вспомнил именно восемьдесят второй? Просто потому, что в настоящую минуту оказался в том самом месте, где находился седьмого ноября тридцать лет назад. Возле академического драматического большого-пребольшого театра.

Я перевел взгляд ниже, к колоннаде, тянущейся вдоль северной стороны здания, и заметил парня лет двадцати, уверенным шагом идущего вдоль колонн к парадному входу. Синенькая болоньевая курточка, шапочка-петушок с простеньким орнаментом, брюки, заправленные в черные резиновые сапоги... С сапогами он погорячился, на дворе не май месяц. Холщовая сумка через плечо...

Минуточку!..

У меня тоже была такая сумка! Коричневая, с надписью «Олимпиада 80» и кольцами! И такая же шапочка, подаренная бабушкой! Тогда входили в моду эти шапочки, но в магазинах их не было, и бабушка связала мне на Новый год! А куртка?! Мы с матерью объездили пол-Питера, а потом часа три стояли в очереди, чтобы купить эту куртку. Кажется, чешского производства. Через два дня мне порвали ее в троллейбусе, и батя заклеивал клеем БФ. А сапоги?! Мои ботинки тогда сперли в бассейне, и батя дал мне свои сапоги.

Да это же...

Боже мой... Это ж... Я!

А что за афиши на рекламной тумбе?

«К 65-летию Великой Октябрьской Социалистической



революции. „ЛЕНИН И ОКТЯБРЬ“. Пьеса в двух частях».

А на крыше банка, где только что светилась реклама «SAMSUNG», краснеет лозунг «Да здравствует Великий Октябрь!» Да и самого банка уже нет. Обычный жилой дом.

И прохожие с кумачовыми бантиками в петличках. И воздушными шариками в руках. Строй курсантов в парадной форме.

И никаких иномарок возле театра! Два 412-х «Москвичи», «Победа», покрашенная зеленой шаровой краской и «Жигули-копейка»!

И пахнувший откуда-то слева ядреный аромат безфилтровых сигарет «Прима», и появившийся во рту горьковатый вкус теплого ларечного пива!

Парень, то есть я, тем временем прошагал пружинящей походкой, не подразумевающей никакого радикулита, вдоль фасада и скрылся в театре. Я хотел броситься за ним, за собой, но боль пронзила поясницу, и я замер на лавке.

Булгаковщина какая-то... Что происходит?!

\* \* \*

Меня встретил поясной портрет Владимира Ильича Ленина и кумачовая растяжка, украшавшая предбанник: «Великому Октябрю – великую пьесу!» Все правильно. Лозунг «Пятилетку за три года» смотрелся бы здесь не так уместно. Не завод ведь, а театр.

В фойе пара работяг развешивала вдоль стен портреты членов Политбюро и генсеков социалистических стран, словно те были ведущими актерами труппы. Леонид Ильич Брежнев, чье здоровье, по слухам, не радовало, на портрете выглядел как всегда свежо и героически. Я не художник, но заметил, что пятая медаль Героя на его необъятной груди была подрисована к четырем предыдущим.

– Ты пойми, Серый... Все это чисто субъективно. У меня приятель есть, так ему нравятся беззубые. Seriously. Хотя ты Мэрилин Монро, но если зубы на месте – сразу в архив.

– Зубы вырвать можно или выбить, а мозги не вставишь. Она ж полная дура!

– Ну тебе-то не все ли равно! Тебе ж не жениться на ней!.. Андропова давай.

– Простите, где здесь отдел кадров? – побеспокоил я рабочих.

– Вниз по лестнице и направо... Это не Андропов, это Горбачев. Андропов в очках!

– Да какая разница?

– Вот помрет Брежнев, поймешь. Слыхал, говорят, при смерти...

– Да я это каждый год слышу. Годков пять еще протянет. Женщины и политика. О чем еще говорят мужчины?

Я сбежал по лестнице, попутно разглядывая обстановку.

Театр! Не школьная сцена и не армейский клуб! Тени великих актеров, гул зала, свет софитов, аплодисменты, ка-

шель зрителей, пыль портьер... Магия. «Ах, этот вечер – лукавый маг...»

Нужную дверь я нашел сразу, без подсказок, потому что она была здесь единственной. Постучал, толкнул, вошел.

– Здравствуйте... Мне Екатерину Михайловну.

В кабинете было три стола, два из которых пустовали.

– Слушаю.

Голос у дамы твердый как камень, из которого высечен Аполлон. Да и вид как у нашей школьной директрисы: двоечников и хулиганов – на плаху! И как у нашего армейского старшины. Разве что старшина не носил парик.

– Моя фамилия Светлов. Максим. Вам звонили... Насчет работы.

Магическое слово «звонили» мгновенно превращает злого старшину в добрую фею из «Золушки».

– Да-да... Проходи, присаживайся.

Я поставил сумку на сильно потертый линолеум и уселся на сильно скрипучий стул. Кадровичка передвинула на край стола недопитый чай и блюдечко с маковыми сушками. Ничто человеческое не чуждо и людям искусства.

– А почему к нам, если не секрет? С работой в стране вроде напряженки нет.

– Ну просто... Это бабушка посоветовала. Я летом в театральный поступал... Не поступил... Конкурс... На будущий год снова попробую. А пока здесь кем-нибудь поработаю, атмосферой пропитаюсь, с актерами познакомлюсь... Вникну

в курс, так сказать...

– Атмосферой... Знакомо... Ты не первый. Как с этим делом? – Екатерина Михайловна звонко щелкнула по напудренному подбородку, сразу перейдя к сути.

Странно, когда перед армией я устраивался на работу в жилконтору, первым мне задали тоже именно этот вопрос.

– В разумных пределах... За столом.

– Тут все в разумных.

Судя по обреченности, с которой была произнесена последняя фраза, проблема пьянства в творческом коллективе стояла настолько остро, что на нее давно махнули рукой.

– А хоть какой-нибудь театральный опыт имеется?

– В школе... Драмкружок, потом в армии. Концерт к 23 февраля и фрагмент из пьесы «На дне».

Екатерина Михайловна посмотрела на меня с нескрываемым сочувствием, если не сказать – с озабоченностью. Такое выражение лица характерно для командира взвода пехоты, увидавшего в бинокль приближение вражеской танковой дивизии.

– Ну хотя бы в армии отслужил...

Я ей не соврал. Не насчет пьесы и драмкружка, а насчет алкоголя. К нему действительно относился спокойно. В силу чего в кругу многих своих знакомым прослыл слабаком, которому до отключки хватает стакана крепленого портвейна. Ну да, не скрою – имелся печальный опыт. Потому что из горлышка, в подъезде и без закусочки. В пятнадцать-то лет.

Кто не отключится? Хорошо, подъезд был собственный.

И насчет желания стать артистом не слукавил. Бабушка поспособствовала. И в драмкружок привела, и по театрам таскала. В итоге наставила на путь истинный. Теперь я мечтал попасть на сцену, как ни пафосно это звучит. И даже разошелся с Иркой, считавшей, что настоящий мужик не должен кривляться перед толпой. Мол, когда-то актерская профессия была одной из самых непрестижных, в артисты шли только лентяи и неудачники. Но авторитет бабушки перевесил авторитет Ирки. Кто такая Ирка? Кино, дискотека, группа «Чингисхан», Рикардо Фольи и поцелуи на диване. А бабушка – это все, начиная от соплей, заканчивая армейским рюкзаком новобранца. И сегодня здесь я по ее протекции. Нашлись связи.

– Комсомол, партия?

– Комсомол... В армии вступил.

– Хорошо... А то тут у нас...

Дама не договорила, но я понял. Беспартийным и некоммульцам в места массового окультуривания устроиться сложно.

– Сколько тебе?

– Двадцать один... С половиной.

– Специальность есть?

– До армии в жилконторе нашей работал. Помощником электрика.

– Худенький ты какой-то... Двадцать кило-то подни-

мешь?

Я не очень понял, какое отношение мое телосложение имеет к театральной деятельности.

– Подниму... А зачем?

– Ты что думаешь, тебя монолог Чацкого читать выпустят? Тут у нас дипломированные актеры годами «Кушать подано» играют. Ну-ка, встань.

Я послушно поднялся. Кадровичка осмотрела меня словно тренер, отбирающий среди новичков самого перспективного. Хорошо, зубы не попросила показать.

– Маловат... Бутафорщиком бы тебя или верховым, но все занято... У нас на сценариста вакансия, прошлого посадили за валюту... Но там опыт нужен.

– Да, – согласился я, – с сочинениями у меня в школе не очень хорошо было. И сценарии это совсем не мое.

– Сценарист и не пишет сценарии, на это драматурги есть. Это человек, отвечающий за порядок выхода актеров на сцену. По громкой связи.

Мне стало стыдно за свое невежество, но я не покраснел.

– В общем, могу предложить только монтировщиком сцены. Хотя с твоей комплекцией... Представляешь, что это такое?

– Ну, наверно, декорации менять.

– Правильно... Только не просто менять... Но и на машину грузить. А здесь силушка нужна. Немалая. Грузить приходится собственными ручками.

Как будто у меня есть чужие...

— А они тяжелые? Декорации?

— Некоторые и вчетвером не поднять... Работа сменная, сутки одна бригада, сутки другая. Когда аврал, работают сверхурочно. Начало в семь утра. Разбираете декорации с вечернего спектакля, грузите на шаланду. Шаланда уходит на склад, вторая привозит декорации для утреннего спектакля. Разгружаете и монтируете. Надо уложиться до одиннадцати. После утренника опять разбираете и грузите. Потом разгружаете хозяйство для вечернего спектакля и снова монтируете. В общем, девяносто процентов тяжелого физического труда.

— А десять?

— Десять — легкого... Иногда приходится помогать бутфорщикам. Это люди, отвечающие за интерьер на сцене... Насчет сближения с актерами... Они люди с другой планеты и с рабочими стараются не общаться. Даже в буфете. Здесь смотри сам. Теперь о главном. Зарплата неплохая. Сто восемьдесят оклад, плюс прогрессивка, плюс премиальные, плюс тринадцатая. В месяц выходит по двести пятьдесят. Аванс пятого, остальное двадцать пятого.

Ого! В жилконторе я получал сто десять плюс мелкие чаевые. Моя мама пятнадцать лет сидит в НИИ на ста тридцати рублях. А здесь сразу на сотню больше!

— Устроит?

— Вполне!

– Трудовая с собой?

– Конечно. – Я вытащил из куртки паспорт, трудовую книжку и комсомольский билет, сцепленные черной резиночкой.

– Бери бумагу, пиши заявление... Образец под стеклом. Да... Вот еще... Ты на учете в ПНД не состоишь? В психоневрологическом диспансере...

– Нет. К счастью.

– После справку принеси. Сейчас требуют. Это на всякий случай... У нас один был тут... Тоже рабочий. Попросили во время утренника пройти с фонариком за занавесом. Светлячка изобразить. Туда-сюда. Занавес полупрозрачный – человека не видно, только фонарик. Он и прошел. Но не сзади, а по сцене – перед занавесом. В рабочей спецовке. И не просто прошел, а с веселым танцем. Дорвался. А когда мальчик с первого ряда спросил у мамы – кто это, он песенку спел. Светлячок – чок-чок. А потом выяснилось, что шизофреник со стажем... А как без справки разберешь? Давай пиши.

Я тщательно скопировал заявление, вписав свои данные.

– Так, Максим... Рабочую одежду захвати свою, твоего размера может не быть. Обязательно купи рукавицы. Сейчас ступай в зал, там найди Виктора Степановича. Это помощник режиссера. Ваш царь и бог. Представишься, он скажет, когда выходить на работу. И умоляю – никаких привальных и «простав». Народ здесь ушлый, сразу в оборот возьмет.

– Не волнуйтесь, Екатерина Михайловна, я же не пью.



– Да тут все так говорят...

Помощник режиссера Виктор Степанович, которого я по подсказке Екатерины Михайловны нашел в зале, тоже встретил меня уже знакомым вопросом:

– Пьешь?

Причем вопрос был задан шепотом, но не потому, что померз чего-то опасался. Просто его горло, словно удав, обвинял пестрый махровый шарф.

Неужели я так похож на алкаша? А в сумке не книжка Моэма, а бутылка бормотухи. У них тут, похоже, не театр, а какой-то лечебно-трудовой профилакторий. Или кабинет нарколога. Так и хочется признаться: «Пил, пью и буду пить».

– Ничего крепче кефира.

– Ладно, посмотрим...

Ну точно – нарколог! Он прямо сейчас собрался смотреть? Надеюсь, раздеваться не надо?

Я вспомнил, что видел Виктора Степановича в каком-то телевизионном кино или спектакле. В эпизодической роли. Тогда на нем не было очков с толстенными стеклами, от которых глаза походили на гигантские пуговицы. Он немного напоминал артиста Калягина из «Вашей тети», только залысины поменьше. А так такой же круглый. И на голову, и на тело.

– Ты уже оформился? – просипел он.

– Заявление написал.

– Хорошо. Будешь во второй бригаде. В семь утра подойди к Харламову. Это твой бригадир, он скажет, что делать. А сегодня разминай мускулы. День завтра ответственный. Юбилей. И чтоб ни капли в рот! Выгоню сразу!

Да что ж это такое?! Назло хочется напиться.

– А можно я немного в зале посижу?

– Сиди. Только вон в тени. Михайлов не любит, когда на репетиции посторонние.

Михайлов – это главный режиссер. Фигура в театральном мире известная. Харламов, Михайлов... А Петрова у них нет? Наркологический кабинет и хоккейный клуб под одной крышей.

Я ушел в тень, на задний ряд под балкон. На сцене репетировали завтрашний спектакль про Ленина. Актеры играли без грима и без костюмов, поэтому только по репликам и нарочитой картавости можно было догадаться, кто из них Владимир Ильич. Правда, актер походил на вождя мирового пролетариата, как я на Людмилу Зыкину. Зато он народный или заслуженный. Обычный актер, даже похожий, но без регалий, воплотить светлый образ основателя государства просто не имел права.

– Нет, Феликс Эдмундович! Ни одна революция не обходится без насилия! И всегда будут жертвы! Но насилие насилию рознь! Если человек даже буржуазных взглядов принимает революцию и не участвует в контрреволюционной деятельности, какой смысл проливать кровь?

Артист, игравший Дзержинского, тоже был народным и внешне тоже мало походил на главного чекиста.

– Владимир Ильич, я не говорю о кровопролитии. Борьба с контрреволюцией подразумевает не только насилие, но и идеологию. Взять тех же беспризорных детей. Если мы сможем помочь им, люди сами потянутся к нам... Вы знаете, сколько сейчас беспризорников? В подвалах, на чердаках! Надо срочно создавать приюты.

Режиссер Михайлов, сидевший во втором ряду, поднял руку.

– Сереженька... Чуть поубедительнее! Это же спор, а не обсуждение новостей. И упор на слове «дети»!

Странно. У них завтра спектакль, а они не знают, как играть. К слову сказать, репетиция проходила на фоне каких-то шекспировских декораций, поэтому смотрелась забавно.

– Игорь Петрович, я же просто повторяю текст, – возразил Дзержинский, – завтра я произнесу его, как вы пожелаете.

– Не надо делать мне одолжений. Вы на сцене, а не в примерке. Здесь нельзя просто читать текст. Давайте еще раз...

Повторить реплику Феликс Эдмундович не успел. Вмешался мой нос. Видимо, пыль из кресел не выбивалась в принципе. Зато акустика в зале прекрасная. Чих напомнил раскат грома.

– Стоп, стоп... Виктор Степанович, почему посторонние в зале?!

Помреж, словно на пружине, подскочил с кресла.

– Это не посторонний. Это новый монтировщик, – едва слышно пояснил он.

– Мы закончим через двадцать минут... Неужели нельзя подождать за кулисами? Молодой человек, будьте любезны.

Вот что значит – театр. Молодой человек, будьте любезны... В нашей жилконторе при подобных обстоятельствах по-простому послали бы на три буквы, да еще затрещину бы отвесили.

Я без возражений покинул зал. Ну вот, засветился перед главным режиссером. Уже неплохо. Еще несколько засветок, глядишь, и приглянусь. Как типаж, к примеру. А повезет, доверит какую-нибудь роль в массовке. Бабушка рассказывала, что один ныне знаменитый артист так и попал на сцену. Работал электромонтером и подменил заболевшего статиста из массовки. Правда, в бессловесной роли. Потом еще раз. И пошло-поехало, как говорил Папа Карло, приделывая Бура-тино вместо ноги колесо. Так и я. А поступать в театральный, имея опыт, гораздо проще. Приемная комиссия смотрит на тебя, практически, как на своего.

В общем, день прошел не зря. Одно плохо – ненавижу рано вставать. Даже в армии так и не смог привыкнуть к ранним побудкам. А по поводу тяжести работы я не переживаю. Наоборот – подкачаюсь, фигуру поправлю.

После такого приема в театре ноги сами завернули в гастронном, а руки сами купили бутылку шампанского. Вече-

ром отметили с родителями и бабушкой выход в большую жизнь. Батя, как и Ирка, сначала ворчал, что не мужицкое это дело – театр, но узнав, какую мне положили зарплату, сам полез за фужерами.

Утром я чуть не проспал. Вечером долго не мог заснуть, ворочался, представляя себя на большой сцене. Как выхожу, как играю, как кланяюсь, прикладывая руку к груди и посылая воздушные поцелуи. После трех все-таки отрубился, но театр не отпускал. Во сне я видел себя в роли Дзержинского, ратующего за беспризорных детей. Правда, по законам кошмара, я забыл текст и попытался объяснить товарищу Ленину все своими словами. Владимир Ильич почему-то вышел не в своем обычном костюме, а в наряде Гамлета. Сидевший на первом ряду режиссер Михайлов хмурился, и тогда я начал петь нашу строевую армейскую «По долинам и по взгорьям...». Зал бурно зарукоплескал и подхватил песню.

И в этот момент прозвенел звонок. Он же будильник. Я решил поваляться еще минут пять, в результате очнулся через тридцать. Но армейская служба не прошла даром. Через пятнадцать минут я уже подбегал к остановке, доедая бутерброд с сыром. Из сумки торчал рукав спецовки, сохранившейся со времен моего труда помощником электрика. Рукавиц я не купил, захватил варежки, связанные бабушкой. Все-таки хорошо иметь бабушку, умеющую вязать.

Сегодня выходной, общественный транспорт подается раза в три реже, чем на буднях. Плохо начинать первый рабо-

чий день с опоздания. Но, чу! Показался рогатый друг. Ползет, поскрипывая и постанывая.

Салон почти пуст. До метро полчаса тряски. Я присаживаюсь у окошка и клюю носом. У всех путь на большую сцену начинается по-разному. У меня в троллейбусе. Когда-нибудь я обязательно отражу этот факт в мемуарах. Многие знаменитые артисты выпускают мемуары. А я чем хуже?

Вчера, после шампанского, я заперся в своей комнате и декламировал перед зеркалом монолог горьковского Луки. Глядишь, при случае блесну перед Михайловым. Главное, момент выбрать. Приметит – пригласит.

Двадцать минут в подземке. Выхожу на Невском. Еще темно и пусто. Я люблю утренние пустые улицы. Есть в них какое-то очарование. Дождя нет, легкий морозец царапает щеки. Добегаю до театра. Парадный вход закрыт, но возле боковых дверей уже кипит работа.

Нахожу Харламова, своего нового командира. Ему лет сорок, комплекция как у штангиста Василия Алексеева. Он по-мужски жмет своей громадной пятерней мою дохлую ладошку, велит переодеваться и идти на сцену. Когда я появляюсь в спецовке и вязаных рукавичках, вручает гаечный ключ и поручает откручивать гайки с обратной стороны замка принца датского.

Что ж, работа вполне посильная, хотя некоторые гайки поддаются с трудом. Чувствуется мощь руки, их затянувшей. По соседству монтировщик года на три старше меня за-

нимается тем же самым. У него есть молоток. Если гайка не поддается, он бьет по ключу.

Видя, как я мучаюсь, он протягивает мне инструмент. Заодно знакомимся.

– Новенький?

– Да.

– С почином... Звать как?

– Максим. Можно Макс.

– Олег... В *театральный* поступал?

– Да, – я предположил, что слух обо мне уже разлетелся, – кадровичка рассказала?

– Не, – Олег ловко крутанул ключом, словно пропеллером маленького самолета, скручивая гайку, – у нас, как осень, так неудачники косяком идут. Я сам такой же... Третий год здесь.

Третий год... Новость меня не обрадовала. Это ж сколько конкурентов.

– Ого... Третий год... А еще кто-нибудь есть?

– Серега Петров, верховой.

О, ну точно, хоккейный клуб.

– Витька Астраханский, бутафорщик... Они вообще пятый год здесь.

– И что, все пять раз проваливались?

– Не... Никто больше и не пытался поступить. Я второй раз попробовал – не вышло. И плюнул. А они сразу плюнули. А чего? Здесь работа, хоть и не творческая, зато платят

хорошо. Плюс график стабильный, можно все распланировать. А у артистов никакого графика. То гастроли, то антрепризы... Аккуратно, ту гайку не откручивай, а то фанера на башку свалится. Я подержу, тогда давай.

Олег ухватился за край декорации, я скрутил гайку, мы сняли фанерный щит, укрепленный металлическими ребрами, и положили его на сцену. За ним сразу же пришла пара монтировщиков.

– Так что ты не первый. Не переживай. Втянешься потихоньку, привыкнешься. А через полгода вся эта хрень романтическая сама собой слетит.

Ну уж нет... У них, может, и слетела, а я не сдамся. Хоть с пятого раза, но поступлю. Главное, упорство и вера в победу.

– Да и если честно, – Олег опустил руку с ключом, – я тут такого насмотрелся... Думаешь, за кулисами все как на сцене или на экране? Да у нас интриги такие, что Шекспир от зависти удавится. Не успеешь отвернуться, как кинжалом меж лопаток получишь. Артисты – они ж тоже люди, только в гриме.

– Что, убивают?

– Я фигурально выражаюсь... Так что я лучше гаечки покручу и декорации потаскаю. Зато на душе спокойно. А спокойствие – это главное, как говорил маленький человек с пропеллером.

– А помреж? Тоже интриган?

– Не, Степаныч в принципе нормальный мужик. Он в ак-



терство уже не лезет, успокоился. Правда, с работягами воюет. Те бухают или шлангуют.

– Я заметил.

– Позавчера даже голос сорвал. Колька напился в обед и в костюмерной уснул. Чуть костюм Кощея не спалил. Да ладно костюм, там все сгореть могло. Даже ленинский пиджак. И это перед праздником. В чем бы Ильич вышел? Там пиджак специальный, таких сейчас не шьют.

– А спектакль сегодня?

– Ну а когда? День седьмого ноября – красный день календаря. Посмотри в моем окне все на улице в говне, – Олег беззлобно рассмеялся, – вообще-то, всё как всегда – Ленина никто смотреть не пойдет. Нагонят курсантов, школьников...

– Я вчера репетицию видел. Ленин вообще непохож.

– Бороду с лысиной приклеит, и нормалек. Странно. Мужики свои роли даже в полной отключке сыграют. А Михайлов прогон устроил. Никогда такого не было.

– Здесь что, действительно так выпивают? И актеры тоже?

– Так они в первую очередь! Я по молодости на посиделки после премьеры попал. У меня батя мент. Они там у себя закладывают, но до театральных им как до луны.

– Что, и перед спектаклем могут?

– Смотря кто. Вон, Калганов натуральный фокусник. После каждого акта портвешком вдохновляется. Иногда еле языком ворочает. А на сцену выходит – и ни в одном гла-

зу... Работяги тоже не отстают. Михайлов после новогодних праздников даже приказ отдал – в буфете своим не продавать. Был тут у нас один. Коля-пилот. Тоже монтировщик. На новогодний утренник пришел – еле на ногах стоит. Решил в буфете взбодриться. Коньячку выпил и совсем в аут. Выполз на сцену прямо во время спектакля, присел за домик Белоснежки, а руку в кольцо сунул, чтоб не упасть. Там кольцо есть специальное для подъема декорации. Да так и уснул. А верховой, его не видя, домик и поднял, когда время пришло. На шесть метров, прикинь. Рука в кольце застряла, Коля и повис. Да ладно бы просто висел. Он же проснулся и вопить стал от боли. И не просто вопить. А, сам понимаешь, с выражениями. А теперь представь – внизу Белоснежка с гномами хоровод водит, а сверху матюги отборные падают. И домик обратно не опустить – мизансцена не та. Так и висел минут двадцать. Когда опустили, отцепился, вышел из домика и выдал монолог Чацкого, где самыми безобидными были слова «бля» и «пидорасы» малолетние. А детишки не одни в зале сидели, а с родителями, учителями и представителями РОНО. Михайлова потом полгода по всяким комиссиям таскали... Колю – пинком под зад из театра, а буфет на замок. Но наши все равно бухают.

Так, с разговорами, мы отвинтили последний щит от гамлетовской жилплощади. После присоединились к монтировщикам, таскавшим декорации на шаланду. Екатерина Михайловна не обманула, некоторые действительно можно бы-

ло поднять вчетвером. Бабушкины рукавички сошли на нет через полчаса. Я чувствовал себя гномом среди Белоснежек. Мужики не просто таскали пудовые щиты и мебель, но при этом курили, балагурили, рассказывали анекдоты и подкалывали друг друга. Дедовщины в отношении меня не наблюдалось, что радовало. Никто не заставлял меня творить чудеса грузоподъемности и даже не посылал за бутылкой. И никто не кричал: «Эй, молодой, шевели батоном!» А бригадир Харламов даже поинтересовался – не надорвал ли я пупок? Вот что значит – театр!

Едва шаланда ушла, подъехала следующая, которую предстояло разгрузить. К счастью, декорации для «Малыша и Карлсона» оказались значительно легче, чем для принца датского. После разгрузки Олег снова вручил мне гаечный ключ и обозначил фронт работ.

Когда начался утренний спектакль, все, в том числе и мой наставник, отправились в небольшую столовку при буфете подкрепиться бутербродами и перевести дух. Я же так вымотался, что просто рухнул на табурет за кулисами. Руки были словно ватные, и я с ужасом представил, что после утренника опять предстоит впрягаться в лямку. Минут тридцать я просто сидел и слушал долетавшие со сцены реплики сказочных героев. Затем встал и пошел искать темный угол, чтобы поспать хотя бы четверть часа. Сказалась бессонная ночь и ранняя побудка. За кулисами дрыхнуть опасно – улетишь еще, как монтировщик Коля. Но, слава богу, театр большой,

укромных уголков много.

Я вышел в служебный коридор, заставленный декорациями, и, словно засланный диверсант, принялся заглядывать во все двери, ища приспособленное для сна место. И нашел! Маленький диванчик, служивший реквизитом для какого-то спектакля, словно специально ждал меня в темной нише! Но едва я присел на него, раздался суровый глас:

– Молодой человек!

Это был сам Михайлов. Не в свитере, как накануне, а в костюме-тройке, галстук и начищенных, словно штабной самовар, ботинках. Я тут же вскочил и по армейской привычке выполнил команду «смирно!».

– Добрый день... Вы, кажется, новый монтировщик?

Скажу честно, не привык, когда ко мне обращаются на «вы». Есть в этом что-то несуразное.

– Так точно!

– Из армии недавно?

– Так точно!

– Пойдемте.

Забыв про усталость, я зашагал за режиссером. День начинается отлично! Меня заметили! Меня запомнили! Это судьба! Осталось показать себя с лучшей стороны!

Мы проследовали по извилинам коридоров, пока не оказались перед широкой дверью режиссерского кабинета. Михайлов, как человек интеллигентный, пропустил меня вперед и только затем прошел сам. Да, театр – не завод. Люди

служат культурные.

Кабинет был невелик, раза в два меньше, чем отдел кадров. Но меня это не волновало. Волновало, каким образом перевести разговор в нужное русло.

– Как вас звать? – тоном делового человека поинтересовался Михайлов.

– Максим. Максим Светлов... Поступал в театральный, но не...

– Максим, – перебил меня режиссер, – надо отодвинуть шкаф, под него залетела важная бумага. Будьте добры. Справитесь или еще кого-нибудь пригласить?

– Да не вопрос... Сейчас.

Вопрос-то не вопрос, а шкаф весил килограммов двести. Вместе с книгами и всяким хламом. Тут и слон бы надорвался. Но нельзя пасовать перед трудностями, особенно на глазах того, от кого, возможно, зависит твоя судьба.

С пятой попытки я сдвинул эту громаду на два сантиметра. Режиссер не помогал и даже вообще не смотрел в мою сторону, внимательно изучая какие-то документы за своим столом. Я опустился на колени и заглянул под шкаф – может, получится достать бумагу линейкой или чем-нибудь тонким. Но понял, что это невозможно, она, как назло, залетела к самой стенке. Придется потеть. И при этом не опрокинуть мебель. Хорошо бы ломик какой-нибудь. Бутафорская шпага, украшавшая кабинет, вряд ли подойдет.

– Я сейчас...

У монтировщиков есть ломики. Я никого не буду звать на помощь – зачем мне конкуренты.

Сбегал в мастерскую, где мои коллеги оставляли инструмент, и через две минуты вернулся вооруженным. Театр большой – заблудиться, как два пальца об... но я запомнил дорогу... Ой, про «два пальца» я чисто на автомате, извините. Совсем забыл, что нахожусь в храме искусств.

Теперь дело спорилось. Отодвинув шкаф, я просунул за него руку и достал лист с напечатанным текстом. Зрачок успел заметить серьезную шапку сверху документа. С грифом «Конфиденциально». Надо же. Даже в театре есть государственные секреты. Второй зрачок выхватил слово «делегация». Уже в тексте. Содержимое я пропустил, остановив взгляд на подписи. Ого! Главный коммунист города! Нет, такие документы лучше не читать, а то посадят потом невзначай.

Михайлов заметил мой интерес к документу.

– Дайте сюда... Спасибо. Поставьте шкаф на место.

Теперь опорной стены не было, ломик совершенно бесполезен. Оставалось одно – с небольшого разбега прыгать на дверцу. И хотя весовые категории были неравны, я выиграл, ибо масса, помноженная на скорость, это лучше, чем просто масса.

Но уходить нельзя. Надо как-то продолжить баз... разговор. Нужный разговор.

– Игорь Петрович... А у вас Горького ставят? «На дне», например?

– Ставят, – буркнул режиссер, не поднимая головы.

– Просто я Луку играл в школьном спектакле... Хотите, вам что-нибудь прочитаю... Если вдруг кто заболел...

– Максим... Вы закончили?

– Да...

– Ступайте на рабочее место.

Обидно, конечно, что не удалось поговорить, но лиха беда начало. Хоть имя мое запомнил. Ничего, вода камень точит.

Гайки после утренника я раскручивал с удвоенной энергией, вдохновленный общением с великим режиссером. И щиты таскал вдохновенно, чем заслужил уважительные взгляды опытных монтировщиков. Взгляды у некоторых, к слову, были уже не так свежи, как утром. Завтрак в буфете не прошел без последствий. А еще ведь обед впереди.

Обедать, по рекомендации Олега, пошли в «Котлетную». Правда, большинство отправилось в общественную столовую, хотя она и находилась в трех остановках от театра. А «Котлетная» совсем рядом. Можно сэкономить время на дороге и употребить его с пользой, например – поспать. Компанию нам составили верховые – Паша и Леша, коренастые мужички лет по тридцать, напоминавшие, как мне показалось, бобров. Братья-бобры. «Маленькая», распитая ими во время обеда, совершенно не отразилась на их душевном состоянии. Интересно, они каждый день закладывают в обед

или только по праздникам? Спросить я постеснялся. Узнав, что я мечтаю стать актером, они синхронно хлопнули меня по плечам и крикнули:

– Мал-дец!

От котлет случилась страшная изжога, но Олег успокоил, сказав, что это с непривычки. А ежели запить газировкой из автомата, то вообще никаких проблем. Но все автоматы оказались сломанными или без стаканов. Поэтому поспать не удалось. Какой сон, когда в глотке пожар. К тому же, когда мы дожидались прибытия вечерней шаланды, в подсобку примчался помреж Виктор Степанович и шепотом велел срочно развешивать кумачовые растяжки по залу. Шепотом, потому что на шее по-прежнему краснел шарф. Мужики заканючили, что не их это профиль, но помреж пригрозил лишением премии, то есть, попросту говоря, устроил шантаж. Пришлось подчиниться грубой силе. Нам с Олегом достался лозунг «Привет братским странам социализма!». Его велели закрепить прямо на занавесе, во всю длину. Странно. Сегодня же не международный Первомай, а сугубо отечественный праздник. Впрочем, не победы в семнадцатом революция, не было бы и Первомая и стран братского социализма.

В три прибыла шаланда с декорациями «Ленина». По массе они не уступали «Гамлету». Я не ныл, сжал зубы и таскал щиты. Говорят, самый сложный не первый день, а пара следующих, когда все будет болеть. Но ничего. Сегодня я при- му горячую ванну, выпью чашечку ячменного кофе. А по-



слезавтра законный выходной. Дурочка Ирка. Какого парня потеряла. Еще пожалеет, что променяла звезду сцены на какого-то Рикардо Фольи. Еще принесет цветочки и попросит автограф. А я не дам!

Вот с такими сладкими мыслями я закреплял щит, отделяющий ленинский кабинет от его спальни. Бедный Ильич. Интересно, а у него была официальная жилплощадь? Не та, что снимал, а с постоянной пропиской? С квартплатой и электросчетчиком. Кстати, а снимал на какие? Вон, моя сеструха двоюродная комнату снимает. Половину зарплаты отдаст. А Ильич где числился? Какую запись в трудовой имел? За революционную деятельность, насколько я понимаю, жалование с прогрессивкой не платили. Ну потом-то ему в Кремле место дали, а до восстания? Как много, однако, темных пятен в истории. Я пытался задать эти вопросы нашей училке по истории, но та в ответ вызвала в школу бабушку.

К шести мы закончили. Формально смена была до семи, но раньше срока никто не уходил. Мало ли что случится? Олег с бригадиром вообще останутся на всякий случай. Я тоже решил задержаться, хотя устал, словно раб на галерах. Ведь это мой первый спектакль. Утренник не в счет, там баловство. Я просто сяду за кулисы и стану смотреть за происходящим с другой стороны. Это гораздо интересней, чем из зала.

Вместе с мужиками я переоделся, затем попрощался, услышал намек на первый трудовой день и пообещал, что с

аванса непременно проставлюсь, век театра не видать. Олегу я честно сказал, зачем остаюсь. Он не удивился, признался, что у него это тоже было и через неделю прошло. Предложил сходить с ними на перекус, но у меня кончился лимит наличных, а влезать в долги в первый же день – дурной тон, как подсказала бабушка и собственная интуиция.

Спросил на всякий случай разрешения у Виктора Степановича. Он не возражал, но прошептал, чтоб в зрительный зал ни ногой. На вопрос «почему?» ничего не ответил. Вообще, он выглядел очень нервным, скорей всего, это связано с его больным горлом. Я б тоже нервничал.

В фойе уже появились первые зрители. Человек двадцать суровых мужчин в строгих костюмах. Как я заметил, они пришли в театр без верхней одежды и не направились в буфет, а рассредоточились у различных дверей, даже туалетных. Бабульки-программистки раскладывали на столиках программки, но мужчины их не покупали. Я имел возможность наблюдать за входящими из служебного коридора через небольшое окошко на втором этаже. Когда в фойе появились курсанты, кто-то бесцеремонно похлопал меня по плечу. Это был тоже мужик в костюме.

– Ты кто? – не представившись, поинтересовался он.

– Монтировщик сцены. Из бригады Харламова. Новенький.

– Фамилия?

Я назвался. Мужчина свернул голову набок и повторил

мою фамилию куда-то под отворот пиджака. Несколько секунд помолчал, затем удовлетворительно кивнул и сообщил:

– Здесь нельзя находиться. Иди за кулисы.

– Почему?

– Пошел вон, сказал, – рявкнул он.

По интонации я понял, что спорить и протестовать не имеет никакого резона. Хотя хотелось бы узнать, что это за фрукт.

За кулисами тоже оказалось беспокойно. И сюда проникли мужчины в костюмах. Они бегали, сустились, отдавали команды. И все время прогоняли меня с глаз долой. Неужели перед каждым вечерним спектаклем здесь подобная канитель?

Из гримерки высунулся Владимир Ильич и крикнул кому-то, чтобы принесли пудру и его мазь от радикулита. Крикнул не картавым голосом. Но все остальное – очень похоже. Лысина, борода, прищур. Поэтому просьба принести пудру с мазью выглядела забавно.

В итоге, не найдя спокойного места, я отправился в нашу подсобку-раздевалку. Посижу там спокойно, затем проберусь поближе к сцене.

Олег с напарником еще не вернулись. Я присел на табуреточку у шкафа и через минуту уже бродил по бескрайнему и непредсказуемому пространству под названием сон. И наверняка я бродил бы по нему весь спектакль, а то и всю ночь. Но хорошо, что нашлись хорошие люди.

Братья-бобры. Паша и Леша. Верховые. Именно от их веселых голосов я вернулся в реальность.

– О! Новенький! А ты чего домой-то не пошел? Степаныч попросил?

– Нет... Так... Ой... А спектакль начался?

– Через пять минут. Как не Степаныч? А кто?

Задавая вопросы, верховые энергично переодевались в рабочую одежду. Видимо, тоже пришли с перекуса.

– Никто... Я сам... Хочу посмотреть.

– Что посмотреть?

– Ну... Ленина... и Октябрь.

Братья-бобры синхронно притормозили с переодеванием, посмотрели друг на друга, затем на меня. Честное слово – такое впечатление, что передо мной стоял один человек. А второй – его отражение в стенном зеркале.

– Зачем? – опять хором поинтересовались они.

Я решил не посвящать их в тонкости своей романтической души, поэтому ответил просто:

– Так... Ленина люблю.

Еще один синхронный перегляд.

– Стари-и-ик, – протянул верховой Леша, – ты его еще сто раз увидишь. Слушай... Тут такое дело...

Леша запнулся, прикидывая, как бы продолжить, но речь подхватил Паша. Разумеется, в целях экономии времени, я опускаю матерные обороты, хотя, признаюсь, сделать это так же непросто, как конспектировать ленинские труды.

– Короче, сегодня ж праздник. Дело святое... Отметить надо. Мы после ужина в бакалею завернули, а там отдел закрыт. Сунулись в гастрономию, тот же коленкор. Какая-то зараза якобы приказала все точки в районе театра закрыть. Никогда такого бардака не было... А на «Пять углов» сбегать не успеваем. Будь человеком, Витек... Сгоняй.

– Я – Максим.

– Ой! Прости, Макс. Мы тебе тоже оставим. Мы б сами сбегали, но не успеваем. На верхотуру надо. Сгоняй.

– Куда?

– Ну к «Пяти углам». Там, на Рубинштейна, лабаз есть, его точно не закрыли. Пару молдавского «Розового» возьми. Крепленого. А если вдруг закрыт, то до площади Мира добеги. Там рядом.

Паша ловким движением руки извлек из кармана пятирублевку. Обычно так выхватывают пистолет ковбои.

– Водки не надо, – добавил Леша, – чего-то она после котлет плохо идет. А портвешок в самый раз...

Вот те раз! Я специально остался, чтобы на Ленина посмотреть, а вместо этого должен бежать в какой-то лабаз за бухлом.

– Тут рядом, если дворами. Минут за двадцать уложишься. Или тридцать...

– Не, мужики... Я же специально остался спектакль посмотреть... Да и на работу завтра. Вон, купите в буфете.

– Да чего там купишь?! Коньяк по червонцу за рюмку или

шампанского?! Да и Степаныч приказал своим не продавать. Ну будь человеком!

– Не буду!

Сам себе удивляюсь. Открываю новые качества. Еще вчера я бы точно побежал. Но сегодня я рабочий человек! А это звучит гордо. Не побегу! Останусь с Лениным.

Звенит первый звонок. Пора занимать удобные места. Олег с напарником, судя по висящим курткам, уже переоделись и несут вахту.

Поднимаюсь с табуретки и иду к двери мимо застывших братьев-бобров. Решительно берусь за ручку. Я не «шестерка».

– Погоди...

Они опять сказали хором. Чувствую, в связке трудятся давно.

– Что?

– Мы сами сбегает...

– Дело ваше...

– Парень... Похоже, ты еще не врубился, что такое коллектив, – с легкой укоризной заметил Паша.

Да. Он прав. Пока не врубился.

– А это плохо. Тебе здесь работать... Сегодня ты помог, завтра – тебе. И наоборот. Сегодня ты не помог, завтра и тебя пошлют.

– Если ты не веришь в Бога, Бог не верит в тебя, – философски добавил Леша, зачем-то перекрестившись.

Черт... Конечно, плохо начинать трудовой путь с конфликта, но и давать слабинку я не собираюсь. Потом так и придется «шестерить».

– Вы же сказали, что сбегаете...

– Да... Но кто-то должен остаться на верхотуре...

– Вас двое... Киньте жребий. Или посчитайтесь.

– Хм... – братья опять переглянулись, – понимаешь... кто-то побежит на «Пять углов», а кто-то на Мира. Иначе не успеем. Может, ты подстрахуешь? Ну не будь говном! Праздник ломаешь!

– Да не говно я... Но... Я первый день здесь. Как я вас подстрахую?

– Ты кто по специальности? – спросил Леша.

– Электрик.

– О! То что надо! Сереж... Там и пионер справится. В первом действии всего одна смена задника. Ты нашу лестницу видел? Там, возле щитовых.

– Я – Максим... Ну видел. И что?

– Ой, Максимка... Прости. Забираешься. Там скворечник. Садись и ждешь команды. Минут через десять Степаныч крикнет: «Верховой?!» Ответишь: «Я!» Потом откидываешь крышку с пульта. Там три больших белых кнопки и куча маленьких. На маленькие не смотри. Только на большие. Жмешь ту, что посередине. Не ошибешься. А если и ошибешься, невелика беда, в зале одни курсанты, они дрыхнут как цуцки. Они сюда и приходят – поспать.

– Погоди, – поправил Паша, – Степаныч глотку сорвал, он фонариком мигнет. Предупредил.

– Да это без разницы.

– Ну в общем да... Ну что, Максик?

Они посмотрели на меня как цирковые медведи, ожидающие сахарку. С той лишь разницей, что у медведей глаза добрее.

Отказать я не смог. В конце концов, отпор я дал, а нажать кнопку – это не к «Пяти углам» за бутылкой бежать. Спектакль можно и со второго отделения посмотреть. Да и не Ленин меня на самом деле интересует, а атмосфера. И возможность лишний раз засветиться перед режиссером. Чтобы он подумал – вот, все водку пьют, а этот – проникается.

– Ну, в принципе... Можно.

– Спасибо! Спасибо, братишка... Мы мигом. Я на Мира, Леха к «Пяти углам». Тебе взять чего-нибудь?

– Нет... Я подшит.

– Гонишь!

Молча поднимаю свитер и рубашку и показываю шрам от фурункула. В армии заработал. Но чисто внешне он напоминает вшитую ампулу.

Бобры уважительно кивают и быстро натягивают куртки поверх рабочих спецовок.

– Давай, Макс! Белая кнопка по центру. Больше ничего не жми. Потом слезай и иди смотреть спектакль. Только Степанычу про нас не говори.



Верховые, отодвинув меня от двери, исчезают.

Что ж... Может, оно и к лучшему. Получу еще один профессиональный навык. И в анкете при поступлении укажу – работал не только монтировщиком, но и верховым. Глядишь, зачтется.

Двигаюсь по уже знакомому маршруту. Днем я изучил лабиринты и довольно неплохо ориентируюсь. Строгие мужчины в костюмах провожают меня подозрительным взглядом, но никто не тормозит – я излучаю уверенность.

Дохожу до распределительного щита и лестницы. Ого. Она метров шесть высотой. Но я не боюсь высоты. Забираюсь в скворечник. Это площадочка метр на полтора с перилами и двумя приваренными к полу сиденьями. Сиденья вращаются – удобно. Занимаю рабочее место, осматриваюсь. Сороковатка освещает пульт. Он закрыт металлическими ставками, словно дверцами.

Я протягиваю руку, чтобы открыть их, но вздрагиваю от грянувшей со сцены музыки. «Вихри враждебные». Слышимость здесь не очень хорошая, и ничего не видно. Мешает специальный занавес. Но ничего. Как только я выполню свою миссию, сразу проберусь поближе.

Главное – не пропустить условный сигнал. Внизу тоже всего одна лампочка.

Спектакль начинается. Я не очень хорошо слышал голоса, однако ленинскую картавость различал. Актеры играли без микрофонов, но акустика в здании прекрасная.

Минут десять я напряженно пялюсь вниз, боясь пропустить сигнал. И вот, наконец, мелькнула тень. Блеснули линзы очков. Помреж! С фонариком. Я свешиваюсь с перил и махаю тому рукой. Черт! Похоже, он меня узнает. А мужики просили ему не говорить. Придется соврать, что я был в скворечнике третьим. Изучал азы профессии. Это можно только приветствовать.

Виктор Степанович поднимает руку и мигает фонарем. Все! Настал мой час! И я не подведу!

Откидываю крышки с пульта и...

...Замираю, словно человек, вместо Брежнева увидевший на трибуне Дворца съездов американского президента Рональда Рейгана. Словно Аполлон на козырьке театра. Словно Ленин в Мавзолее. Словно памятник развитому социализму.

На пульте ЧЕТЫРЕ БОЛЬШИЕ БЕЛЫЕ КНОПКИ!

НЕ ТРИ, А ЧЕТЫРЕ! Металлические, сильно потертые от многочисленных нажатий. ЧЕТЫРЕ!

И, соответственно, определить, которая из них посередине, не смог бы и профессор математики. И даже Альберт Эйнштейн.

И вряд ли получится нажать обе одновременно. Стало быть, придется выбирать.

А фонарик опять мигает. Можно, конечно, крикнуть и спросить, но тогда братьев-бобров подставлю.

Хотя не грех и подставить... Алкаши. Допились до того, что не могут три от четырех отличить.

Остается один подсказчик. Бог. Он сам направит мой палец на нужную кнопку. Если, конечно, он ко мне милостив. Одно успокаивает – в зале спящие курсанты, если ошибусь – не заметят.

Закрываю глаза и кладу длань на пульт. Есть. Третья снизу, она же вторая сверху. Глубоко вдыхаю и жму.

Внизу заурчал двигатель, закрутились барабаны, поползли тросы. Задник пошел вниз.

Я осторожно выглядываю из-за перил. Фонарик исчез, стало быть, Виктор Степанович ушел. Все, миссия выполнена. Теперь можно спускаться и идти смотреть на спектакль, к которому ты, в общем-то, тоже приложил руку. Точнее, палец. Чем можно гордиться.

Спускаться не так просто, как подниматься. Все-таки шесть метров, а лестница с явными дефектами. Ремонт бы не помешал.

Но я не упаду – Бог меня любит. Иначе бы я нажал не ту кнопку, и помреж не ушел бы, а остался и мигал фонариком. Хотя...

Он же не видит, что происходит на сцене, а стало быть... Раскат грома донесся до моих ушей примерно на середине спуска. Нет. Это не гром. Это смех. И какой-то нехороший смех... Над репризами или шутками так громко не смеются. А если и смеются, то не все... А здесь полное единодушие. Да и вряд ли в спектакле про Ленина уместны репризы. Это

не «Кабачок 13 стульев».

И когда моя правая нога опускается на твердь, я понимаю, что Бог, наверное, не любит меня. Странно. Я, конечно, не ангел, но и козлом себя бы не назвал.

На фоне нового раската грома со стороны сцены ко мне приближается Виктор Степанович. И не просто приближается. И не просто Виктор Степанович.

Он бежит ко мне, подняв правой рукой фонарик, словно Чапай саблю, а левой срывая шарф. А на лице непередаваемая словами игра чувств, как пишут в пьесах и сценариях. Я бы мог все же передать, но только не сейчас. Ибо чувства помрежа из разряда крайне отрицательных. Вместо рта говорят его глаза. Сейчас они размером не с пуговицу, а, как минимум, с юбилейный рубль. И без очков. Говорят очи всего одно слово. Матерное. Из шести букв. Похожее на «огурец», но более жесткое. Из чего следует, что у меня один выход. Уносить ноги. Инстинкт спасения лица от побоев не ошибается.

И переводить стрелки на братьев-бобров бессмысленно. Виктор Степанович видел меня на верхотуре, а сейчас застал на лестнице. Ответ на вопрос «Какая сволочь нажала не ту кнопку?» однозначен. Эту кнопку нажал новенький монтировщик сцены Максим с простой фамилией Светлов.

Спрыгнув с лестницы, бегу в противоположную от помрежа сторону. Там есть маленький коридор, ведущий на черную лестницу. Несусь не оборачиваясь, ибо смотреть второй раз на лицо помощника режиссера врагу не пожелаешь. Ока-

менеешь.

Вот и лестница! Придерживаясь правой рукой за перила, прыгаю вниз через три ступеньки. Получаю небольшую фору – молодость побеждает опыт. Первый пролет, второй! Дорога известна – по ней мы таскали декорации.

Все! Последний пролет. На финише я сбиваю с ног мужика в костюме. Чего он тут торчит – шел бы Ленина смотреть! Подняться он не успевает – Виктор Степанович снова посылает его в партер! Ну прям «Ну, погоди!», только веселой музычки не хватает.

Слышу за спиной крик: «Всем стоять! КГБ!»

Хорошая шутка. Надо запомнить.

Направо, налево, опять направо! Лишь бы черный ход был не на замке!

Он не просто был на замке, но у дверей несла вахту сразу пара мужиков в костюмах, и вряд ли это портье.

Придется в обход, через центральный вход. Дорогу помню не очень, но в критические минуты мозг включает дополнительные резервы. И он подсказывает, что у меня один путь – через фойе.

Очередной раскат хохота доносится из зала. Это уже не просто хохот, это истерика натуральная!

Блин, что же за задник я опустил?!

Выскакиваю в фойе. Мужиков в костюмах у дверей нет. Бабулек-программисток нет. Одна выходит из зала, зажимая рот платком.

Я прохожусь мимо пустующего буфета, скатываюсь по ступеням мимо гардероба, с которого начинается театр. Навстречу попадают гардеробщицы, спешащие узнать, над чем истерически рыдает публика. Никогда такого не было!

Виктор Степанович безнадежно отстал. Либо свернул в зал, не удержавшись от соблазна взглянуть на происходящее.

Черт! Моя куртка осталась в подсобке. А на улице не май месяц, первые снежинки кружат в воздухе. Ничего, завтра заберу. Или попрошу Олега вынести.

С очередным раскатом грома-смеха выскакиваю на вечернюю улицу, замечаю два ряда черных «Волг» и «ЗИМов», аккуратно припаркованных возле театра, нарываюсь на возвращающихся братьев-бобров, с какой-то тревожной подозрительностью смотрящих на меня, и мчусь по Невскому в направлении ближайшей станции метро.

«Пятачка» нет, но я перепрыгиваю через турникет. И даже на эскалаторе до меня долетают звуки совершенно искреннего, неподдельного заразительного смеха, коего стены большого-академического-драматического не слышали долгие годы.

А может, не слышали и вообще...

\* \* \*

Хорошо, что я записал домашний телефон Олега. Тем же вечером, точнее, ночью я позвонил ему. Он не спал. Услышав

мой упаднический голос, приветствовал простым русским словом, созвучным с нотой «ля». Слово сие имеет различное значение. В зависимости от интонации. Сейчас оно означало: «Ты, конечно, крутой парень, но у тебя будут серьезные проблемы». Видимо, опасаясь, что телефон уже прослушивают, быстро свернул разговор, предложив встретиться утром, до начала смены, перед театром.

На входящие звонки я не отвечал, хотя телефон разрывался. Батя не выдержал и в конце концов снял трубку. Аппарат находится в коридоре, и я не слышал разговора. Закончив, отец зашел в мою комнату, сел на стул и с полминуты смотрел на меня. Наконец негромко и как-то обреченно произнес:

– Это с театра звонили. Какой-то Виктор Степанович... Максим... Он сказал, что, если бы сейчас был тридцать седьмой год, тебя бы уже расстреляли... Сынок, что ты натворил?

Я не ответил и натянул на голову одеяло.

Спал я плохо. И каждый раз, когда слышал звук подъехавшей машины, осторожно выглядывал в окно, пряча голову за цветком алоэ, стоявшим на подоконнике. Не за мной ли? Не на расстрел ли?

Без четверти семь я, надвинув на голову капюшон своей старой куртки, сидел в сквере перед театром. «Волг» уже, разумеется, не было. И мужики в костюмах перед парадной дверью не маячили.

Олег не опоздал. Мы пожали руки, он сел рядом и достал пачку болгарского «Родопи».

– Будешь?

– Нет... Не курю.

– Короче, устроил ты вчера... Революцию... Ладно бы это обычный спектакль был. Для курсантов и школьников...

– А что? Необычный?

– Мужиков видел в костюмах? И тачки черные?

– Видел. Еще подумал, это каждый раз так.

– Не каждый, – Олег пустил в темное небо вонючую струю дыма, – зарубежные гости пожаловали. Из дружеских социалистических стран. Поляки, болгары, венгры... Чехи... Партийные делегации. Из Москвы тоже. Культурная программа. Ну и наш горком почти в полном составе... А мужики в костюмах из КГБ. Типа охраны. Никто, кроме Михайлова и Степаныча, про это не знал. В театр бумага секретная пришла, чтоб не трепались. Боялись провокаций всяких и происков.

Да. Я видел эту бумагу. Лично доставал ее из-под шкафа главного режиссера.

– Михайлов на спектакль остался, чтоб зрителей поприветствовать, – продолжал Олег, – накануне прогон устроили. Ну то есть репетицию, хотя каждый год эту агитку играют. Чтоб никаких казусов... А тут ты... Как ты ухитрился кнопки перепутать? Там их всего три.

Либо я идиот, либо все остальные.



– Да как три? Четыре!

– У тебя со счетом все в порядке? Вчера там было три кнопки. Три белых кнопки. И одна красная...

– Красная?

– Ну да! Внизу. Отбой.

– Погоди, погоди... А ты уверен, что она красная? Ты там давно был?

Олег, подносивший сигарету ко рту, вдруг притормозил:

– Месяц назад... Бли-и-и-н...

Сейчас он походил на человека, которому в «Гостинке» вместо американских джинсов подсунули брюки от школьной формы.

Он, видимо, понял. И я тоже. Слава богу, никто из нас не идиот. Не придется идти в психоневрологический диспансер.

Красная кнопка со временем превратилась в белую. От прикосновения пальцев краска сошла на нет. Но для тех, кто постоянно сидел на верхотуре, она по-прежнему оставалась красной. В том числе и для братьев-бобров, любящих портвешок.

Но не для меня...

– Так что я за задник опустил?

– А сам не догадываешься?

– Да откуда? Я ж не видел... Только ржач слышал.

– Да, зрелище было еще то... Я сам, если честно, чуть не подавился от смеха... Ты представь – сидит Ленин в кабине-

те, а весь революционный комитет заходит к нему через окно... По очереди. И выходит тоже... Дзержинский там, Антонов-Овсеенко, ходоки и матросы-солдаты с чайниками. А потом по пьесе самому Ильичу уйти потребовалось. Куда деваться? Сначала тоже через окно попробовал, но радикалит помешал... Хорошо, в заднике прореха была, так он прямо через нее. Как бы растворился в пространстве. Ты бы видел, что в зале творилось, там поляки с чехами с кресел посползали. Безо всякого перевода. Причем они, похоже, не врубились, что это ошибка! Решили, наверное, – режиссерская концепция! Трактовка.

– Так что это был за задник? Что?!

– Да с утренника! Малыш и Карлсон! Комната Малыша! С окошком, через которое Карлсон залетал! И с видом на соседнюю крышу.

Е-мое!.. За такое точно к стенке поставить могут...

– Смотрелось отпадно! Ленинский кабинет в Смольном, а задняя стена в цветочках, с фотками Малыша, собачки и прочей нереволуционной хрени. И главное – без двери! Актеры-то сразу не заметили, по привычке на сцену выходят и играют! А Феликс про детишек бездомных... Задник уже не поднять – мизансцена не та. Да и некому. Вот и продолжали... Бедный Михайлов... А Степаныч? Ему ж все шишки. Видел бы ты их физиономии. Особенно в зале. И после. А прикинь, если б ты задник с домиком Кролика опустил. Из Винни-Пуха...

Да... Я представил. И, не удержавшись, тоже заржал. Много отдал бы, чтобы увидеть такое зрелище. Особенно основателя нашего государства, вылезающего в окно. Интересно, он стульчик подставил или с пола пытался запрыгнуть? Ленин, который живет на крыше.

Но... Вообще-то не до смеха. Похоже, моя театральная карьера под угрозой. Да какая театральная? Как бы культурную диверсию не припаяли... Запишут в диссиденты.

– Верховые все на тебя свалили. Дескать, им надо было срочно съездить домой. Администратору позвонила Лехина соседка, сказала, что в его квартире запах дыма. Вот и сорвались. А тебя попросили подменить. Объяснили, какую кнопку жать.

– Да они за бутылкой бегали! – праведно возмутился я.

– Не сомневаюсь. Только администратор подтвердила, что звонок из дома был. Но их все равно уже турнули. Сегодня за трудовыми придут. Михайлова так дешево не купишь. Администраторшу следом. Ну и тебя, наверно...

Да. Тут без вариантов. И про кнопки объяснять бесполезно. Какая логическая цепочка выстроилась в голове режиссера? Четкая и безо всяких трактовок. Абитуриент-неудачник, а ныне монтировщик решил продемонстрировать свой талант. Предложил прочитать монолог. Но режиссер на корню пресек – мол, не до тебя. Товарищ обиделся и решил отомстить радикальным способом, воспользовавшись информацией из секретного документа. Устроил революцию.

Поэтому есть риск получить по морде, не успев мяукнуть хоть слово в свое оправдание. Какой уж там театральный институт или роль в массовке.

– Слушай... А ты не мог бы мою трудовую забрать? В отделе кадров. И куртку из подсобки. Просто... Дела у меня...

– Да не дрейфь ты... Они люди интеллигентные, по лицу не бьют. Так, если по почкам... Поорать, да – любят. Так крик костей не ломит. Переживешь.

Спасибо тебе, Господи, за то, что направил мой перст указующий в нужном направлении. Огромное человеческое спасибо. Удивительно, что за мной ночью не приехали мужчины на «Волгах». Правильно сказал верховой Леша – если ты не веришь в Бога, Бог не верит в тебя.

– А меня не посадят?

– Не знаю, но я бы на твоём месте срочно справку добывал. Что с башкой проблемы. С дурачков какой спрос? Ты, кстати, нигде на учете не состоишь?

– Нет... К сожалению...

Как изменчиво бытие. Позавчера на этот же вопрос ответил: «Нет, к счастью».

Олег затушил сигарету о подошву и метнул окурочек в чугунную урну, покрашенную серебрянкой, словно оградка на могиле. Ох, не очень удачное сравнение.

– Ладно, бывай. Мне переодеться еще надо.

Он поднялся, сделал пару шагов, затем обернулся и негромко предупредил:

– Макс... На всякий случай... Я с тобой не встречался. Мне здесь работать.

Я остался на скамеечке. Надо было все-таки взять у него сигарету. Как-то тревожно на душе. И неудобно. Словно ты Карлсон, у которого вместо пропеллера красное знамя. Прыгнул с крыши и камнем вниз. Идти с Олегом на смену я не рискнул. Обожду Екатерину Михайловну, попробую незаметно написать заявление по собственному. Хотя незаметно не получится. Обходной ведь подписывать. Разговор с Михайловым неизбежен. И с помрежем. Если, конечно, их не арестовали. Теоретически могли. И сейчас они в Большом доме дают показания. И валят все на невинного монтировщика, который по ошибке нажал не ту кнопку. А им не верят. Потому что предупреждали и просили подготовиться.

Пошел снег. Пока не зимний, а так – сырой и противный. Он залетал под капюшон, таял и каплями стекал по лицу. Но я не сопротивлялся. Просто закрыл глаза и попытался думать о хорошем. О том, что скоро Новый год, что через месяц история забудется, я найду место в другом театре, и вообще, жизнь должна состоять не только из правильных решений. Иначе она пресна, скучна и неинтересна.

Я сидел на скамейке, в сквере перед театром. И на меня смотрел бог Аполлон, голову которого тоже покрыл мокрый снег. В этом мы были с ним похожи.



– Молодой человек, скоро спектакль кончится. Не пропустите.

Я вздрогнул, открыл глаза. Бабулька, сидевшая рядом на скамеечке, улыбаясь, смотрела на меня. Приятно, когда в полтинник тебя называют молодым человеком. Есть в этом что-то несуразное.

– Я видела, как вы из театра вышли. Деток ждете?

– Внука.

– Я тоже... Там жарко... Пора уже.

Я взглянул на часы. До окончания утренника пятнадцать минут. Поднявшись, отправился следом за бабулей. Грыжа опять напомнила о себе выстрелом в поясницу. Нельзя подолгу сидеть в одной позе.

Все скамейки в фойе были заняты ожидающими родителями, бабушками и дедушками вроде меня. Минут пять я изучал театральные плакаты. А вот и знакомый персонаж. Нестареющий Карлсон, который по-прежнему живет на крыше без прописки. Удивительно, что эту сказку ставили в советское время, да еще так активно. Явный недосмотр КГБ. Ведь Астрид Линдгрен была убежденной нацисткой, и прототипом Карлсона послужил ее близкий друг. Герман Геринг. Командующий «Люфтваффе». Человек с пропеллером. Мало того, речевые обороты типа «Я в меру упитанный

мужчина в самом расцвете сил» якобы тоже принадлежали партайгеноссе фюрера. Просто в СССР висел железный занавес, полезная информация не просачивалась. А сказка, в общем-то, неплохая.

С плакатов я перешел на фотографии трупы. О! И еще один знакомый персонаж. Правда, в отличие от Карлсона, заметно постаревший.

Олег. Только с бородкой и залысинами, как у Ленина. Еще не народный, но уже заслуженный... Лет десять назад, когда я увидел его в каком-то милицейском сериале, не поверил своим глазам. Но титры не обманули, это был именно он.

Он все-таки вышел на сцену. По слухам, удачно кого-то подменил. Потом засветился на экране... Закончил актерские курсы... Лицемер. Кричал, что это баловство, и запал быстро пройдет. Не прошел.

Не то что у меня. Я, конечно, попробовал поступить на следующий год, но председателем приемной комиссии назначили Михайлова... По слухам, после того спектакля его вызывали в горком партии, потом в Большой дом и даже хотели привлечь. Удивительно, но он не сдал меня, а всю вину взял на себя. Мол, хотел развеселить иностранных и столичных гостей. Великие были люди! Но через три дня умер Брежнев, и органам стало не до режиссера... Надеюсь, умер не из-за происшествия в ленинградском театре. Могли ведь доложить, и не выдержало сердце у старика. От смеха. Это было бы чересчур. Вот так нажмешь не ту кнопку и по-

меняешь ход истории. А то и настоящую революцию совершишь.

А я великим так и не стал.

Спектакль закончился. Детвора, словно разноцветная снежная лавина, повалила из зала.

– Понравилось? – спросил я раскрасневшегося внука, вышедшего будто из парилки.

– Так себе... Я уже мультик видел. Ты обещал купить мороженого.

– А горло?

– Прошло.

– Хорошо, пойдем...

Я купил в буфете сахарную трубочку, предупредил, чтобы Игорек ел осторожно. Он плюхнулся на скамейку, развернул мороженое и, несмотря на предупреждение, стал поглощать его большими кусками, болтая при этом ногами. Смешной пацан. Похож на бабушку, мою жену.

– Дед, хочешь? – Он протянул мне трубочку.

– Спасибо. Ешь... Мне нельзя сладкого.

Нет, все-таки я нажал правильную кнопку. Иначе бы не вернулся в жилконтору, не поступил в электротехнический техникум, не сошелся бы вновь с Ириной и ее Рикардо Фольи. И мы бы не поженились, и у нас не родилась бы дочь. А у дочери не родился бы этот смешной пацан. Не ел бы сейчас мороженое и не махал ногами. Может, махал кто-нибудь другой, но не он. Ни о чем нельзя сожалеть.



А кто знает, как бы все сложилось, поступи я в театральный. Да, электрик, конечно, не очень романтично, но чинить проводку тоже кто-то должен. И среди жильцов нашего микрорайона я очень даже популярен и востребован.

Еще раз повторяюсь. Ни о чем нельзя сожалеть.

Игорек доел мороженое, мы взяли в гардеробе его куртку и вышли на улицу.

На Невском я оглянулся и подмигнул вечно молодому Аполлону, как и тридцать лет назад гнавшему свою колесницу сквозь время.

Он подмигнул мне в ответ и прокричал:

– Жми кнопку, Макс! Не ошибешься!

# Русская угроза

*Автор выражает признательность Александру  
Борисовичу Цветкову*

Говорят, каждый четвертый человек на земле страдает той или иной фобией. Даже самый смелый с виду супермен кого-нибудь да побаивается. Темноты или пауков, оживших мертвецов или женитьбы. Храбрая с виду Николь Кидман, к примеру, убегает от бабочек. А мой покойный дядюшка панически боялся быков и, уходя на работу, просил тетушку посмотреть – не пасется ли, случайно, перед подъездом рогатая скотина. «Да откуда в городе быки?!» «А ты на всякий случай – посмотри. Вдруг приبلудился?»

У каждой известной науке фобии, говорят, есть свое смешное название. Думаю, что моя фобия науке пока неизвестна, и имя ей не придумали.

Я боюсь канареек. Даже при одном упоминании этой вроде бы безобидной птички вздрагиваю, словно рядом с головой просвистела шальная пуля, выпущенная пьяным полицейским. Фобия эта, к счастью, не врожденная, не переданная по наследству, а приобретенная лет пятнадцать назад – в ту славную пору, когда в моду входили совместные предприятия, а многие ныне открытые города жили под грифом «секретно». Поэтому я не оставляю надежды от нее изба-

виться.

Но сейчас, стоя перед клеткой с упомянутой тварью, якобы привезенной с Канарских островов, я чувствую легкую слабость в ногах, учащение пульса, и рука автоматически тянется к коробочке со спасительным анаприлином, несущим бессменную вахту в кармане пиджака.

– Вы в порядке? – не без искренности в голосе интересуется продавец птичьего рынка, видимо заметив мою бледность и дрожь в пальцах.

– Да... Жарковато сегодня. Спасибо.

Конечно, до такого странного состояния довела меня не птичка. Это ведь всего лишь маленькое невинное создание, клюющее корм и радующее нас, людей, своим переливистым пением. У некоторых птицелюбов их по два десятка на пятнадцать квадратных метров жилплощади. И ничего. Никаких инфарктов, стрессов и телесных повреждений. Ну разве что уши иногда закладывает.

Я запихиваю под язык горькую таблетку, пульс успокаивается, но слабость еще есть. Прошу разрешения у продавца присесть на его складной стульчик и, увидев положительный кивок, опускаюсь в тень навеса, закрывающего клетки с пернатыми от прямых солнечных лучей. Надо немного перевести дух.

Я закрываю глаза и вместо рынка оказываюсь в относительно недалеком прошлом за рулем нового черного «Нисса-

на», несущегося по трассе в направлении российско-эстонской границы. Встречный ветер врывается в приоткрытое окно – словно ладошка любимой женщины гладит мое, еще свежее, не морщинистое лицо. Оркестр Поля Мориа услаждает слух через превосходную акустическую систему, а солнечный пейзаж за окном радует пока еще зоркие очи. Сзади любуются российскими видами мои финские компаньоны – Арви и Микко, солидные мужи примерно сорока лет от роду, серьезные и уважаемые в Суоми люди, чьи фамилии никогда не всплывут в СМИ из-за какого-нибудь скандала. Вся их капиталистическая жизнь пронизана богобоязненностью и законопослушанием. Как-то раз, будучи в Хельсинки, в присутствии Микко я хотел купить у уличного торговца пиратский CD. Продавец, к слову, был из Питера, своих пиратов у них не водится. Микко, увидев это, отвел меня в сторону и стал абсолютно серьезно доказывать, что делать подобного не стоит – мол, диски не лицензионные, авторы несут убытки, а государство лишается налогов. «Микко, успокойся! Никто не увидит! – улыбаясь, возразил я. – А от одного диска ни автор, ни ваше государство не обеднеет». «Какая разница?! Это незаконно!» Конечно, не все финские господа такие задвинутые, я говорю только о Микко и Арви. Предложить им дать взятку дорожному полицейскому так же бесполезно, как уговаривать лезвие гильотины падать не вниз, а вверх.

Господа уже выучили несколько русских слов, необходимых для установления контакта: «Привет», «Как дела», «Хо-

рошо», «Спасибо» – и произносят их практически без акцента. Мало того, не собираются останавливаться на достигнутом, а живо интересуются могучим языком добрых соседей. Например, десять минут назад Арви спросил, что означает одно слово, которое он регулярно слышит в разговорах русских, но не может отыскать его в словарях. Слово, как вы догадались, и не могло попасть в нормальный словарь. А только в специальный, предназначенный для исследователей ненормативной лексики. Обычно оно хорошо сочетается с прилагательным «полный» и глаголом «пришел». Мой финский, разумеется, тоже далек от совершенства, но я не комплекую и не нервничаю.

– Видишь ли, Арви... Это слово не имеет буквального перевода. А выражает крайнюю степень человеческих эмоций. Отрицательных или положительных. В зависимости от контекста. Понимаешь?

– Нет, Алекс... Как можно и радость и горе оценивать одним словом?

– У нас можно... Представь, что ты провел ночь с прекрасной девушкой в шикарном отеле... Утром выходишь на балкон, видишь синее море, пальмы, солнышко. Блаженство. Ты потягиваешься и непроизвольно произносишь это самое слово. Но когда ты выходишь из отеля, а нерадивая горничная роняет тебе с балкона на башку цветочный горшок, ты опять-таки непроизвольно говоришь его же. Теперь понял?

– Значит, если я увижу тебя случайно на улице, я могу его

сказать?

– Сказать, конечно, можешь, но тебя неправильно поймут да еще дадут пятнадцать суток, если рядом окажется милиционер.

– Но почему? Мне же приятно тебя видеть! И все в России его открыто говорят, я сам слышал! Даже в эфире!

– Друг мой, есть те, кому можно говорить, и те, кому нельзя. У нас за плечами восемь веков тоталитаризма.

При чем здесь тоталитаризм, я уточнять не стал, но Арви нашел этот аргумент убедительным и больше ко мне с распросами не приставал. Лишь шевеление его губ подсказывало, что идет напряженный мыслительный процесс.

– А кто такой «Екарный бабай»? – вступает в разговор Микко.

– Это очень страшный человек. Тебе лучше не знать.

Общаемся мы, само собой, по-фински, благо я довольно прилично им владею. С того исторического момента, когда моя родная Эстония объявила себя независимой, я понял, что надо срочно учить какой-нибудь язык и вовсе не обязательно английский. Ибо деловые контакты придется наводить с ближайшими соседями. И как в воду глядел. Зато теперь я, простой русский парень, родившийся под Курском и проживший почти всю сознательную жизнь в эстонской Нарве, ощущал себя настоящим европейцем, для которого чужды понятия «расизм» и «ксенофобия», но близко популярное слово «толерантность». Хотя тридцать лет жизни под

пятой империи дают о себе знать. Нет-нет да и промелькнет в сознании какое-нибудь словечко типа «пидоры»... Но только в сознании.

Едва пали тяжкие оковы оккупации, я понял, что теперь придется выживать: Европа, хоть и поманила сладким калачом инвестиций, но угощать им не торопилась. Разве что предложила банковские кредиты. Моя основная профессия – технолог машиностроительного предприятия – быстро накрылась вместе с самим предприятием. Запчасти для военных самолетов оккупантов, выпускаемые нарвским «режимным объектом», по идеологическим причинам оказались невостребованными. «Объект» продали то ли датчанам, то ли немцам, а всех угнетенных работников наконец-то освободили от советского ига. Правда, ничего не предоставив взамен. Но речь не о том...

Подрастающие детки, несмотря на свободу, требовали регулярной пищи, широко, по-птичьи открывая рты, и единственным способом унять их аппетит, а заодно и свой оказалась спекуляция товарами народного потребления. И финский язык оказался весьма кстати: без него хоть ложись на асфальт и пропадай.

Разбил свинью-кубышку, обменял старорежимные рубли на валюту и рванул к скандинавам, предварительно найдя связных. Тех, кто мог познакомить и отрекомендовать. Вояж удался, вернулся я с визитками в кармане, выхлопом изо рта и надеждой подняться с колен.

Прикинул, что спекулировать ядерными боеголовками или самолетными двигателями не стоит. Так же, как и автомобилями. Выбрал тему попроще и понадежней. Краски, бытовая химия и сопутствующие товары. То, чего у богатого соседа полным-полно, да еще и по оптовым ценам.

И все вроде бы хорошо, но оказалось, что спекулировать в независимой Эстонии – все равно что торговать квадратными колесами. Как говорит старая мудрость: для того чтобы купить что-нибудь ненужное, надо продать что-нибудь ненужное. Или хотя бы произвести. А когда все хотят продать, ничего не производя, наступает состояние, обозначаемое словом, вызвавшим столь живое любопытство у Арви.

То ли дело Россия! Там с производством тоже не сахар, но зато есть что предложить взамен. Те же углеводороды или древесинка, например. И, соответственно, ее население хочет раскрасить свою жизнь. И хорошая, качественная краска не кажется им предметом роскоши. И чистящие средства не вызывают пренебрежительной ухмылки.

После продажи первой партии я наполовину погасил взятый в банке кредит, после второй накормил детей, а после третьей купил в рассрочку новый «Ниссан». А теперь подумываю, не пора ли открыть в Северной столице России собственный магазин, а не распихивать товар по чужим торговым точкам. Питер я выбрал из двух кандидатур исключительно из географического положения. Но речь не о том.

Товар для спекуляции, как вы поняли, я покупаю у Ар-



ви и Микко, у кого покупают они, я не в курсе. Короче, вот такая у меня жизнь. Русский по крови, эстонец по гражданству, финн по бизнесу, испанец по духу. Дядюшка, боявшийся бычков, имел испанские корни. Что-то перепало и мне. А по паспорту – вообще человек без отчества. Если раньше, до освобождения, меня звали Алексей Викторович, то теперь просто Алексей. Алекс. Как принято на Западе. Хорошо, что я сохранил старый паспорт, в котором я по-прежнему Викторович.

Мы возвращаемся из Питера, куда я вывозил партнеров для закрепления деловых отношений. А заодно показать помещение, которое планирую взять в аренду. Партнерам ведь не все равно, где будет продаваться их красочка. В Россию, несмотря на солидный возраст, они выбрались впервые, все-го боялись и ходили, держась за руки, словно пионеры в музее Ленина. В каждом прохожем видели бандита, а в каждой собачке – медведя. И только в ресторане, испив водочки, немного успокоились.

Три дня назад я встретил их на российско-финской границе, отвез, устроил в отель, накормил и напоил. Помещение будущего магазина им понравилось, и они сказали волшебное слово «Я», что переводится с финского, как «о'кей». Для закрепления успеха и дальнейшего духовного сближения я предложил им ознакомительный тур в Нарву, на свою новую старую родину. Познакомить, так сказать, и впечатлить. Оттуда Арви с Микко доедут до Таллина, сядут на па-

ром и уплывут домой. Господа не отказались, благо все расходы, как гостеприимный хозяин, я взял на себя.

И вот мы катим в направлении Ивангорода, где находится пограничный пункт, таможня и, разумеется, дьюти-фри. На часах четыре, я надеюсь, что очереди из машин не будет – народ пока предпочитает автобус и пеший ход.

На сиденье, между обширными животами поставщиков, зажата клетка размером с обувную коробку. А в ней маленькая желтая птичка. Живая. По фамилии канарейка. Вещь в хозяйстве практичного, делового человека абсолютно бесполезная. Ни поджарить, ни подушку из перьев набить. Птичка не моя и не финская. Мой старинный питерский приятель, оказавший помощь с гостиницей, узнав, что на днях я еду в Нарву, попросил передать его племяннице небольшой подарок. На день рождения. Я, как благодарный человек, в таком пустяке отказать не мог. Этим подарком и была канарейка. Мол, девочка любит птиц, но специально из-за этого тащиться за рубеж не хочется.

– Не вопрос! Передам в лучшем виде! Это же не автоматы и не героин!

Птичка, как и мы, слушает оркестр Поля Мориа и не чирикает. По совету приятеля я накрыл клетку большим носовым платком, чтобы не вызвать у пернатого стресс и панику, связанные с переменой мест.

А сам я, несмотря на убитую дорогу, как могу, пытаюсь сломать стереотипы в отношении русского народа, убеждаю,

что не такие мы и страшные, а наоборот, несем миру тепло и свет.

– Ты говоришь о нефти и электричестве? – уточняет Арви, поправляя свои изящные очки, которые стоят как подержанные «Жигули».

– Нет, Арви... Я говорю о том, что тоталитаризм не смог до конца убить в нас тягу к добру. Тянем и тянем...

Когда бортовые часы зафиксировали половину пятого по Москве, мы въезжаем в Ивангород, знакомый любому цивилизованному человеку как стратегический приграничный объект. Я ведь не случайно помянул так называемые «закрытые» города. Ивангород входил в их число. А это значит, что на въезде в него надо купить за деньги специальный талон и дальше следовать исключительно по одной улице до границы, никуда не сворачивая. Шаг влево, шаг вправо – сами догадываетесь что. Большие финансовые потери.

Купив талончик, я уверенно веду «японца» в сторону паспортного контроля. Как и предполагалось, очереди почти нет. Перед нами всего две машины. Мы покидаем салон и топаем к пограничной будке.

– Привет! – здоровается Арви с пограничной девушкой, выражением лица напоминающей васнецовскую Аленушку. – Как дела?

– Как сажа бела, – мрачно отвечает та, потом сличает фото в паспорте с оригиналом и ставит колотушку, подтверждающую, что финский гражданин формально покинул пределы

России.

Такие же штампики спустя минуту украшают и наши с Микко паспорта. У девушки явно плохое настроение – штампики поставила крайне неаккуратно и криво.

Зато у таможенника настроение что надо. У них, как я заметил, всегда хорошее настроение. Я подгоняю «Ниссан» к пункту досмотра и открываю багажник и капот, как требуют строгие правила, написанные на специальной табличке аж на трех языках. Арви с Микко законопослушно стоят в стороне и ждут разрешения на проезд.

Бояться нам нечего, контрабанды и оружия мы не везем, а денежные средства находятся на пластиковых карточках, которые укрывают их от сглаза.

Таможенник – улыбчивый блондин с лицом ребенка – профессионально сличает номера агрегатов машины с техпаспортом и декларацией, затем перемещается к багажнику и кивает на чемоданы.

– Что здесь?

– Так... Кое-что национальное, – отвечаю я за компаньонов, – белье, бритвы, игрушки...

– Алкоголь, сигареты?

– Не употребляем и не торгуем.

Видимо, ему не понравился мой иронический тон. Настроение должно быть хорошим только у него. Я слышал, с таможеней вообще шутки плохи. Один знакомый на вопрос «Есть ли что запрещенное?» сдуру брякнул: «Да. Кокаин,

экстази и пара стволов с глушителями». Пошутил. Ну и получил по полной. У ботинок даже каблуки оторвали.

– Национальное, значит?

Он расстегнул чемодан Микко, не глядя пошарил внутри рукой. Ничего запретного не нащупал. Да и что запретного может быть у славного Микко? Это ж не араб с зеленой банданой на голове.

– Закрывайте.

В салон он даже не заглядывал. Опыт подсказал, что искать там нечего.

– Можете ехать, – он занес колотушку над декларацией.

И тут...

Майский ветерок ворвался в раскрытую дверь «Ниссана» и сорвал платок с птичьей клетки. Канарейка мгновенно отреагировала приветственной трелью, которую слышал бы и глухой с противоположного берега речки Наровы.

Естественно, слышал и таможенник.

– Минуточку...

Он опустил колотушку мимо декларации и заглянул в салон. Канарейка взмахнула крыльями, дав понять, что она не китайская игрушка, а реальная живая и гордая птица.

– Это что? – Перст чиновника упирается в клетку.

– Птица. Породы канарейка... Приятель передал для племянницы. На день рождения.

– А документы на нее есть?

– Какие документы?

– Магази́нный че́к и сертифика́т от ветерина́ра. Что пти́ца здоро́ва, приви́та и не представля́ет угро́зы на́селению Евро́пы.

Про на́селение Евро́пы было́ сказа́но без тени ирони́и, из чего́ я сде́лал выво́д, что та́моженник не прика́лывается, а е́сли прика́лывается, то о́чень натура́льно. Само́ собой, ни про ка́кой че́к, ни про ка́кого ветерина́ра прия́тель и не заика́лся.

– Ну, она́ здоро́ва, разве́ так не ви́дно? – Я па́льцем посту́чал по кле́тке. – Э́й, пти́чка. Ска́жи-ка...

Кана́рейка на сей раз не отве́тила. Ка́к специа́льно. Подла́я тва́рь.

– Мне не ви́дно... А вдруг у нее́ пти́чий гри́пп?

Пти́чий гри́пп, на́до же... Он бы́ еще́ сказа́л – пти́чий на́сморк. Или́ пти́чий СПИ́Д.

– Послу́шайте, ва́м-то не все́ ли ра́вно? Пу́скай это́ беспоко́ит сопреде́льную сторо́ну. В ко́нце ко́нцов, это́ не нацио́нальное до́стояние и не живо́тное из Кра́сной кни́ги.

– По́рядок е́сть по́рядок... До́лжен бы́ть сертифика́т, что пти́ца здоро́ва. Ина́че я ее́ не выпу́щу...

Отли́чно!

Я подня́л па́лец вве́рх и показáл на пролета́ющих голу́бей.

– Посмо́трите – голу́би спо́койно пере́сека́ют гра́ницу. И что-то́ ни у одного́ в клю́ве я не ви́жу ника́кого сертифика́та.

Та́моженник бро́сил тре́вожный взгля́д в небе́, изме́нился в ли́це и сде́лал два ша́га по на́правлению к посту́, но во́время одума́лся.

– Что вы мне голову морочите? Они летят сами по себе, их никто не перевозит через границу. Поэтому им и не нужен сертификат.

– Тогда я выпущу канарейку, – я приоткрыл клетку, – а на той стороне поймаю. Формальности будут соблюдены.

Шутка вновь не нашла понимания.

– Вы нарушите законы Российской Федерации.

– И что?

– Будете привлечены к ответственности.

Блин, да он робот какой-то. Сказал бы прямо, что денег хочет, так нет – сыплет казенными фразами, словно автоответчик запрограммированный. А с такими крайне тяжело общаться. И на русском, и на английском, и на финском.

Можно, конечно, позвонить приятелю, но я уверен, это не выход. Справку он вряд ли подвезет, а если и подвезет, то не скоро. А у нас паром.

– И что нам делать?

– Вернитесь в Ивангород, найдите ветеринара, пусть осмотрит птицу и выдаст хоть какую-нибудь бумагу. Без нее я вас не выпущу.

Сказано тоном инквизитора, отказавшего еретику в помиловании. «Костер! Только костер!»

– Но мы же уже покинули Россию! – Я демонстрирую паспорт со штампом.

– Я могу позвонить пограничникам, они вас выпустят.

Ну на все у них есть ответ! Чувствую, спорить с наслед-

ником Верещагина из «Белого солнца пустыни» так же бесполезно, как смывать со стены его будки солнечный зайчик.

Арни с Микко терпеливо ждут, пока не догадываясь, о чем идет речь.

Наверно, не будь их, я бы смог решить вопрос на месте. Но намекать таможеннику на мзду в их присутствии я не решился. В финском языке нет слова «коррупция». А если и есть, то очень короткое и малоупотребляемое. Еще разорвут партнерские отношения, увидев мое истинное лицо.

Интересно, сколько эта канарейка стоит? Может, оставить эту на таможне, а в Нарве купить другую? Правда, я не уверен, что найду точно такую же...

В принципе, можно и сгонять в Ивангород. Это же не Москва, за пять минут по периметру объедешь.

– Хорошо! Звоните! Мы возвращаемся!

Таможенник уходит в свою будку, а я объясняю компаньонам причину задержки.

– Конечно-конечно! – хором соглашаются те, узнав, что на птичку нет бумаги. – Закон есть закон... Но нам же уже поставили выездные штампы.

– Нас выпустят обратно под честное слово.

Под честное слово, однако, не выпустили. Знакомая пограничница, все еще пребывавшая в дурном настроении, прервала мои объяснения ударом колотушки в паспорт. «Прибыл». То же самое сотворила и с паспортами Микко и Арви. Получилось, что мы выбыли из России, никуда не въе-



хали, а затем вернулись обратно. Паспорта наши, к слову, – общегражданские, и нам с ними жить. И все теперь будут интересоваться – а где это вы болтались полчаса? И не шпионы ли вы? Придется врать, что искупались под пограничным мостом, перемахнув через колючую проволоку, и вернулись. Не про канарейку же рассказывать.

Финны удивлены, но не протестуют. Человек в униформе – представитель власти, это святое. Знает, что делает.

– Простите, а вы не знаете, где здесь ветеринар? – задаю я вполне логичный вопрос грустной девушке.

Девушка наверняка знает, я ведь не единственный человек без птичьего сертификата. Но в силу плохого настроения отвечает уклончиво:

– Без понятия.

– А вы не могли бы у кого-нибудь узнать? Сами мы не местные...

– Спросите в городе... Не задерживайте.

Ну в городе, так в городе... Улыбнуться-то можно?

Я заметил одну закономерность. Если предприятие частное, тебе улыбаются так, что виден кариес на коренных зубах, а если бюджетное, кроме «не задерживайте!», ничего не дождешься. Хотя, казалось бы, – какая разница? Во втором случае пенсия вроде даже больше... Да и вообще стабильность.

Мы погружаемся обратно в «Ниссан» и отправляемся на поиски ветеринара. Увы, его визитки у нас нет, поэтому при-

ходится прибегнуть к опросу местного населения.

Первый респондент, у которого мы притормозили, на житейский вопрос «Мужчина, а где у вас тут ветеринар?» испуганно огляделся и, вытянув шею, спросил: «Чо?» И, не дождавшись ответа, предложил купить у него женские сережки 583-й пробы. Хорошо еще, не вместе с ушами.

Второй оказалась пенсионерка, продававшая возле дома петрушку и лук на деревянном ящичке. Не знаю, может, в Ивангороде какой-нибудь другой язык вместо русского? Иначе чем объяснить, что на вполне житейский вопрос про ветеринара она стала рассказывать, какая сволочь у нее невестка. И что с таким поколением в 2012 году наступит конец света.

– Женщина, где ветеринар, спрашиваю?

– Да зачем вам ветеринар? Лучше лука купите. Лук хороший, этого года, только из парника. Сама растила... Не то что эта тунеядка проклятушая, пол лишний раз не подметет...

– Нам не нужен лук. Нам нужен ветеринар.

– Тогда укроп возьмите.

– До свидания...

Я понял, что местному населению нет никакого дела до нашей проблемы. И, кстати, еще не факт, что в режимном Ивангороде вообще имеется ветеринар.

И тут меня осенило! Надо просто найти тех, кто точно все знает.

– Минутку... А милиция у вас где?

– Да вон будка в двух кварталах. Сейчас налево, потом еще раз налево. Укроп будете брать?

Вот это другой разговор. А уж в органах точно подскажут, где принимает ветеринар.

Следуя полученным инструкциям, мы двигаемся в левом направлении и действительно через три минуты оказываемся у домика, напоминающего скворечник. Только вместо дерева он покоится на четырех сваях, словно Ивангород находится в зоне возможного затопления. Вдруг на Нарове цунами случится? То, что это здание милиции, подсказывает вывеска «Опорный пункт охраны общественного порядка». Ну понятно, почему опорный. Потому что опирается на сваи.

Притормаживаем, я предлагаю партнерам подождать.

– Это полиция? – кивает на «скворечник» Арни.

– Милиция. Высоко сидит, далеко глядит.

– Алекс, мой отец работал в полиции. Я хочу посмотреть на русских полицейских. Можно?

– Конечно. Возможно, им будет приятно.

Микко тоже пошел. За компанию. На всякий случай я взял с собой канарейку.

Мы поднялись по металлическим ступенькам, я постучал в оцинкованную дверь и дернул ручку.

Опорный пункт состоял из небольшого предбанника и комнаты площадью метров двадцать. В ближнем углу металлическая клетка со скамеечкой внутри, вроде той, что для

канарейки, только гораздо больше – пара человек поместится спокойно. В дальнем – фанерный закуток с приоткрытой дверцей. Я узнаю очертания напольного унитаза. Чугунная воронка и две бетонные ступни. Судя по запаху, смыв отсутствует. Все основано на законах притяжения, как в Нарвской крепости, где вместо канализации пристройка на высоте сорока метров с дыркой в полу. В центре милицейского кабинета два рабочих места. Столы, стулья, сейф, бюстик Дзержинского, выпел за отличные показатели, забитая мусорка, несвежий пол, завеса из табачного дыма, мухи, кактус на подоконнике. Шансон из кассетника. Госучреждение.

За столами двое. Офицеры. В рубашках и галстуках. Лейтенант и майор. Молодой и не очень. Худой и полный. Лысый и волосатый. Сплошные антагонизмы. Кто они по должности, нигде не написано, но нам это и не интересно. У молодого на пальце печатка размером с таможенную печать, а на висящем на спинке стула кителе старшего – орденские планки за выслугу лет и боевые заслуги.

Пока я прикидывал, к кому лучше обратиться, Арви по привычке улыбнулся и почти без акцента выдал:

– Привет. Как дела?

– Дела в прокуратуре. А у нас протоколы и пятнадцать суток.

Ответил лейтенант. Как человек, работающий на государство, он нам тоже не рад. Взгляд словно у Анки из фильма «Чапаев». Когда она косит из пулемета бедных каппелевцев.

Хорошо, что Арви не успел выучить русский. И не смотрел «Чапаева».

– Какие проблемы? – более миролюбивым тоном поинтересовался майор, видимо угадавший в нас заморских гостей, а не просто местных шаромыжников.

Я смело выступил вперед и в двух словах поведал о проблеме. Так и так, нужен ветеринар, чтобы получить сертификат для канарейки. Не подскажете ли адрес?

На несколько секунд после моего вопроса в помещении повисла тишина. Не сулящая ничего хорошего. Такая бывает перед смертельным номером в цирке. Разобьется – не разобьется?

– Так, я не понял... Вы на тачке? – наконец отозвался лейтенант.

– Да, – без утайки отвечаю я, – из Питера едем.

Лейтенант со скоростью футболиста, выбегающего из офсайда, выскакивает из-за стола и устремляется к зарешеченному окну.

– Эта? «Ниссан»?

– Да...

– А ничего машинка... Добрая...

Не нравятся мне что-то подобные гаишные эпитеты, ох, не нравятся.

Лейтенант вернулся к столу, но на стул не сел.

– Вы получили талончик на въезде в город?

– Купили, – подтверждаю и одновременно уточняю я.

– Неважно... А вы в курсе, что находитесь в пограничной территории и имеете право передвигаться только по одной улице.

– Разумеется. Не первый раз, так сказать...

– И почему же вы свернули?

Действительно ведь свернули. Метров на двести выскочили за контрольную полосу.

– Я же объяснил. Таможня попросила привезти сертификат для канарейки. А как, не свернув, нам найти ветеринара? Поэтому мы открыто и обратились к вам. Никаких государственных секретов выведывать не собираемся. Нам нужна просто бумажка, что вот эта птичка здорова.

– Меня абсолютно не волнуют ваши шпионские планы. Есть факт – нарушение установленного порядка прохождения пограничных территорий. Административное правонарушение. Если выяснится, что не просто нарушение, возможно уголовное...

– Но таможня... Можете им позвонить...

– У таможни свои задачи, у нас свои... А канарейка у вас или гонорейка, мне без разницы.

Да он, блин, поэт...

– Короче, нарушение серьезное, но, учитывая обстоятельства, могу пойти навстречу.

По опыту знаю, что шаги навстречу никогда не бывают безвозмездными. Особенно когда у провинившегося новая иномарка. Значит, есть чем загладить вину.

– Оформим все без протокола. С меньшими потерями. Потерями, видимо, для меня.

– На сколько меньшими?

– В два раза.

– А нельзя ли уточнить итоговую сумму?

Лейтенант как закаленный коррупцией боец щелкнул авторучкой, вывел сумму на клочке, оторванном от газеты «На страже порядка», и издалека показал нам. Сумма не показалась мне такой уж запредельной, и я полез уже было за бумажником, как вспомнил про своих финских корешей. Они внимательно наблюдали за происходящим и, судя по выражениям лиц, врубались в происходящее. И если я сейчас решу вопрос малой кровью, потом рискую потерять всю кровь. Они же, как дети, не умеют жить по-взрослому. Обидно. Надо было оставить их в машине.

– Мы предпочитаем разобраться по закону. И готовы заплатить штраф, – твердо чеканю я, словно верный муж, отвергающий домогательства случайно встреченной в бане продажной женщины.

Помните личико упомянутой Анки, когда у нее кончились патроны? У лейтенанта примерно такое же. Если не трагичнее.

– Екарный бабай! Вы чего?! Я ж по-человечески...

При словах «Екарный бабай» Микко вздрагивает. Не от испуга. Просто узнал знакомое имя и фамилию.

– Составляйте протокол. Оплата через кассу.

Пускай и в Европе знают, что мы, эстонские парни, живем по законам. Не то что эти русские, в смысле российские. Хотя денег жалко. Но ничего, деньги заработаем, зато сохраним честь и достоинство. А эти «екарные бабаи» так дикарями и останутся.

– Правда протокол хотите? – жалобно задает контрольный вопрос лейтенант, точно оконфузившийся любовник, предлагающий партнерше попробовать еще раз.

– Однозначно, – настаиваю я, подсчитывая в уме общую сумму. За финнов ведь тоже придется платить. Они гости – я угощаю. А лейтенант на блюда не поскупится, отмеряет по полной.

– Ну дело, конечно, ваше... Думал как лучше...

Он вернулся за стол и принялся шарить по ящикам. Нам, что любопытно, присесть не предложил, хотя свободные стулья на опорном пункте имеются. Финны, как законопослушные граждане, без приглашения не сажались.

– Алекс, какие-то проблемы? – шепнул Микко.

– Отставить разговорчики! – не дал мне ответить страж правопорядка, в глазах которого, кажется, появились слезы. Или это был солнечный блик.

Потратив пару минут на поиски, он протянул руку к напарнику и попросил:

– Степаныч, дай-ка протокольник...

И тут случилось то, что в сценарном искусстве называется драматургическим развитием сюжета, связанным с личност-



ным кризисом персонажей, влияющим на дальнейшие события. Короче, непредсказуемый поворот, который никогда не случается в правильном кино, но запросто может приключиться в жизни.

Майор согнул правую руку в локте, левой нанес удар в спину и с интонацией мужа, заставшего суженую в объятиях лучшего друга, выдал реплику, абсолютно не совместимую с моральным обликом борца за общественный порядок. Скажи ее кто-нибудь другой, он бы уже сидел в клетке и глотал кровавые сопли.

Смысл сказанного был при этом незамысловат. «Во те, козел, а не протокол!» Все остальное я, как интеллигентный человек, опускаю.

Лейтенант на секунду-другую замер, словно грибник, заметивший мчащегося на него кабана, но быстро взял себя в руки.

– Ты чо, Степаныч? Ошалел в атаке? По рогам давно не получал?

– Ты, на... хоть раз в канцелярию за протоколами съездил, на... Бля, только у меня и тягаешь! А мне с моим радикулитом больше делать не хер, как тебе бумаги возить! Пидор!

Я не знаю, чем была вызвана подобная агрессия. Но наверняка дело не в бланке протокола. Просто нарыв зрел, зрел и лопнул. Антагонизм. Я прекрасно людей понимаю – сидят тут в скворечнике, устали друг от друга. А может, еще что-то. Не суть. Плохо, что нарыв лопнул совершенно не в то время.

Ответ младшего товарища не заставил себя ждать. По красоте метафор он не уступал речи майора, а по силе воздействия на окружающую среду был сопоставим с цунами средней руки. Вообще, русский мат настолько поэтичен и непредсказуем, что никакому иноземному диалекту и не снилось. Даже канарейка в клеточке тут же заткнулась и заслушалась.

Последующая фраза не оставляла шансов на мирный выход из конфликта.

– Ну ты, Степаныч, и гондон!!!

Во времена дворянства за такое вызывали на дуэль. Но, слава богу, сейчас цивилизация. Поэтому вместо перчатки в лицо лейтенанта летит тяжелая стеклянная пепельница. И, что интересно, попадает. С двух метров и слепой не промахнется...

После этого события приобретают необратимый характер. Точка невозврата пройдена. Первая кровь пролита.

Лейтенант, сжимая рукой разбитый нос, срывает форменный галстук и, прошептав то самое слово, которым интересовался Арви, по-ковбойски прыгает вперед и ударом головы в грудь майора опрокидывает последнего вместе со стулом.

И начинается бой без правил. Микс-файт. Смешались в кучу стулья, люди... «Чемпионом по версии МВД признан...» И откуда в людях столько душевной черствости?

...А теперь хоть на секунду представьте состояние моих компаньонов. Их неприспособленные к нашей нормальной

жизни мозги пытаются выстроить хоть какую-то логическую цепочку, но на втором же звене цепочка рвется. Они зашли в полицейский участок спросить, как найти ветеринара. Вроде бы ничего особенного. Но вместо ответа полицейские поминают «екарного бабая», а затем начинают кидаться пепельницей и бить друг другу морды! Может, слово «ветеринар» так странно повлияло на их психику?

Пока они, переглядываясь, размышляют над загадочной русской душой, бой принимает нешуточный характер. Да и какие шутки, если на ремнях у обоих болтается по кобуре. И явно не пустые. Лейтенант, как более молодой и выносливый, несмотря на сломанный нос, побеждает. Оседлал радикалитного майора, одной рукой прижал его горло к полу, а второй профессионально наносит удары. В основном по лицу. Майор вяло и не очень умело закрывается.

– Алекс, почему они дерутся? – Арви первым приходит в себя.

Я не настолько хорошо говорю по-фински, чтобы объяснить ситуацию, поэтому ограничиваюсь формальностью:

– Они не поделили, кому провожать нас к ветеринару.

– Пусть бы проводили оба!

Поединок меж тем грозит перейти в бойню. Я пытаюсь остановить господ офицеров словесно, но это так же нереально, как защититься от упомянутого цунами надувным матрасом.

У майора тоже появилась кровь. Перстень на пальце лей-

тенанта сделал свое дело. Но ветеран не сдается – хочет показать финским товарищам, что русские менты не слабее всяких Брюсов Виллисов. Наносит парочку боковых по печени. Отлетает пуговица от манжета рубашки. Лейтенант морщится от боли и обрушивается на противника дырокол, упавший со стола на пол.

Майор, похоже, понимает, что проиграет нокаутом и не дождется гонга. И прибегает к единственно возможному варианту. Незаметно тянет руку к кобуре, пока молодой коллега развлекается с дыроколом... Перевелись благородные рыцари на Руси, перевелись.

Все, пора вмешиваться. Ибо знаком с коварством своих соотечественников не понаслышке. Сейчас майор Степаныч прикончит лейтенанта, затем нас, как свидетелей, сунет кому-нибудь в мертвую руку пистолет и представит дело совершенно неприличным образом. Будто трое неизвестных напали на лейтенанта, начали избивать, и он был вынужден применить табельное оружие. Одна из пуль нечаянно попала в дорогого напарника, а три остальные, слава богу, достигли цели. И ему поверят. Потому что эта версия устроит всех, особенно непосредственное начальство и руководство страны.

Я ставлю клетку с канарейкой на тумбочку, делаю знак компаньонам, мол, помогайте, и со словами «Да успокойтесь вы!» бросаюсь на лейтенанта. Вернее, сталкиваю его с майора. Затем, вспомнив, что имею разряд по вольной борьбе,

пытаюсь заблокировать его руки.

Это частично удастся, я оказываюсь сверху, в партере, лейтенант лежит лицом вниз, но пытается вывернуться из неудобной позиции.

– Лейтенант, ну вы же офицер, – шепчу я, – удерживая его в партере, – взрослый человек... Что люди подумают?

– Убью, убью, убью, – словно заклинание, твердит страж правопорядка.

Майор, харкая кровью, поднимается на колени и лезет за пистолетом!

Финских товарищей разрывают противоречия. С одной стороны, они понимают, что сейчас начнется пальба, но с другой – напасть на представителя власти это путь в никуда. Или в тюрьму.

Я понимаю, что, если их не подтолкнуть, они в Суоми не вернутся. Подтолкнул русскими словами, не имеющими перевода. Но они поняли.

Арви, пробормотав «Сорри», вцепляется в правую руку майора. И вовремя – хлястик на кобуре уже расстегнут. Степаныч пытается вырваться, но в дело вступает Микко, весящий чуть меньше взрослого медведя. Он просто обхватывает майора, отрывает его от пола и прижимает к столу. Последнему остается только изрыгать проклятия, что он и делает.

Я кричу по-фински слово «ремень». Арви как сын полицейского понимает. Начинает вынимать из брюк ремень. Если хлопцев не связать, они не утомонятся.

Микко кое-как сводит запястья Степаныча, Арви накидывает на них петлю. Как говорят анестезиологи – хорошо зафиксированный больной в анестезии не нуждается.

– Пустите, суки! – орет неугомонный майор. – Я убью этого козла!

«Козел», у которого в процессе единоборства оторвался погон, отвечает вполне резонно:

– Сам сдохнешь, падла!

Не зря, не зря они слушают шансон.

Канарейка тихо офигевает.

– Мужики, ну успокойтесь вы, наконец! Ну подумай, протокол! Хотите, мы сами за бланком съездим!

Не успокаиваются мужики. Велик, видно, антагонизм, ох, велик. Накопилась обида за долгие годы. Только кровь ее смоем.

Майор плюется выбитым зубом. Кровь заливает документы, лежащие на столе, пара капель долетает до Дзержинского, попадая ему точно под нос... Лейтенант отвечает шипением...

Я с ужасом представил, что они вытворяют с задержанными, если между собой вот так выясняют отношения.

Мне ничего не остается, как применить болевой прием – заломать кисть. Лейтенант орет от боли, но не успокаивается. Кое-как тащу его к клетке. Само собой, не с канарейкой, а к большой – для людей. Путь посидит, остынет. Другого пути нет. Мент отчаянно вырывается, словно баран перед забоем,

но я выкручиваю ему палец, и запал чуть ослабевает.

И когда до цели остается буквально полметра, случается очередной поворот сценария. По большому счету, логичный. Это не подстава и не натяжка. Орут господа офицеры громче испанцев на корриде – кто-нибудь, да услышал.

И не кто-нибудь... А кто надо. Услышали.

Два милицейских сержанта, комплекцией не уступающие братьям Кличко. И что удивительно, тоже близнецы. Или мне показалось? Потому что смотрел я не столько на их лица, сколько на обнаженные дубинки.

Я ребят в чем-то понимаю... А что бы вы подумали на их месте?

Они слышат вопли из опорного пункта, заходят и видят ужасный ужас. Трое каких-то гражданских уродов заламывают руки офицерам милиции, вяжут ремнем, отбирают табельное оружие. Мало того – у офицеров жестоко разбиты лица – кровь аж на Феликсе, разорвана форменная одежда, и вообще, мягко говоря, общественный беспорядок.

И какую правовую оценку дают увиденному сержантские головы?

Нападение на опорный пункт! Практически, терроризм! И ладно бы на Кавказе, а то уже и до северных границ добрались, проклятые басмачи!

И что остается делать? Только одно.

Мочить, как предписывает руководство страны.

– Может, «Скорую» вызвать? – Голос продавца птиц возвращает меня в реальность.

Я открываю глаза. Рынок, птичка, прохожие. Две тысячи двенадцатый год. Пальцы сжимают коробочку с лекарством.

– Нет... Спасибо... Я просто кое-что вспомнил. Не очень приятное.

– Бывает, – улыбается торгаш, – у меня такое тоже иногда случается. Птичку выбирать будем?

– Мне, вообще-то, котенок нужен... Внук попросил.

– Ну, котенок – это неинтересно. Котята у всех есть. То ли дело – канарейка! Вы послушайте, как поет.

Он постучал пальцем по клетке. Канарейка проснулась и неохотно выдала несколько звуков, мало похожих на песню.

– Это она не проснулась еще, – улыбнулся мужчина, – а когда распоемся, и не остановить!

– Скотчем можно заклеить.

– Зачем?

– Тогда заткнется... Простите, можно я еще немного посижу?

– Конечно... А насчет канарейки подумайте... Котенок – это совсем не то. Кроме ободранных обоев и шерсти на ковре, никакой радости. А здесь живая песня...



Живая песня...

Больше всех досталось Арви. И его очкам. Из очков они сначала превратились в пенсне, а потом в автомобиль, на скорости сто шестьдесят врезавшийся в бетонную стену. Сам же Арви сидел за рулем этого автомобиля. И у автомобиля не сработали подушки безопасности.

Когда били Микко, он пытался вспомнить весь свой русский словарный запас. Но, кроме «Привет!», «Как дела?» и «Хорошо», ничего не вспомнил.

А вопрос «Как дела?», заданный человеком после полученного удара дубинкой, выглядит несколько издевательски. А уж про «Хорошо» и говорить нечего.

«Да ты, сука, еще и прикалываешься?! Сейчас узнаешь, как у меня дела! Получай!»

Близнецы-сержанты работать умели... Видимо, омовцы.

Я не знаю, о чем в тот момент думали мои финские компаньоны. Возможно, о пресловутой русской угрозе или о том, что больше никогда не приедут в эту дикую страну, где полицейские убивают за обычный вопрос «Как пройти к ветеринару?». Возможно, о своих семьях, оставленных в Суоми. И к кому, в случае чего, отойдет их бизнес... А скорее всего ни о чем.

Они просто не знали, о чем думать...

Я же думал о чуде. Только оно могло нас спасти. Но после пяти минут избияния никакого чуда не произошло. Когда из разбитого носа брызнул кровавый фонтан, я просто упал на пол, закрыл голову руками и не сопротивлялся, как советует пособие «Что делать, если вы стали жертвой преступного посягательства», выпущенное у нас на эстонском языке немалым тиражом.

Это тоже не очень помогло, но удары ботинок по ребрам стали как-то менее чувствительными. Либо я уже не чувствовал боли.

Остановил мучения майор. Опять-таки с помощью живительного матерного слова, обращенного к сержантам. В политкорректном парламенте это прозвучало бы примерно так:

– Вы что, господа инвалиды, заболели еще и умственным расстройством?

В реальности все было короче и жестче.

Дубинки замерли в воздухе.

– А чо, Степаныч?.. Они ж вас...

– Да не они...

Я понял, что настал мой час. Забыв про боль и сломанные ребра, я вскочил с пола, оторвал болтающийся на одной нитке рукав пиджака и, зажимая платком нос, прокричал с интонацией командира штрафбата, отправляющего бойцов под танки:

– Ну, все! Вы попали! Вы знаете, кто мы такие?! Я корре-

спондент газеты «Рупор демократии», а это наши финские гости! И завтра про ваш беспредел узнает весь мир!

Я не знаю, есть ли здесь такая газета, но какая разница? Цель достигнута, дубинки спрятаны за спины, на лицах откровенное смятение. Никто не хочет иметь дело со свободной прессой.

Сержанты поворачивают голову к Степанычу.

– Да они случайно здесь, – поясняет тот, умывая разбитое лицо водой из графина, – ветеринар им нужен.

Окровавленный палец указывает на клетку с птичкой.

– А чо ж сюда пришли?

– Дорогу спросить... А мы тут с Витьком... В общем... Поругались...

О, как! Поругались они... Милые бранятся, только тешатся. Теперь нам не только ветеринар нужен, но и травматологический пункт. Но уже наш, эстонский. В местный я под дулом пистолета не пойду... Вдруг там тоже кто-нибудь поругается? Врач с санитаром. А у них скальпели...

Лейтенант, он же Витек, пока нас обрабатывали дубинками и ботинками, свалил в туалет и, судя по звукам, зализывает там раны.

– Во, блин! – хором выдыхают сержанты, словно ракетчики, сбившие пассажирский лайнер.

Они действительно близнецы, как успевает засечь мой заплывающий глаз. Удобно, наверно. Бьют граждан по очереди, а опознать нельзя. Соответственно и спросить не с кого.

– Блин не блин, а отвечать придется. – Я помогаю под-  
няться Арви с пола. Без очков бедняга совсем плох.

Микко выкарабкивается самостоятельно. Его пиджак от  
«Хьюго Босс» по всей длине разорван на спине, нагрудный  
карман болтается на паре ниток. С лицом полный... Ну, вы  
понимаете, о чем я...

Но вот что значит западные люди! Не возмущаются, не  
протестуют, не грозятся судом! Получили по головушкам, и  
«ноу проблем». Лишь бы не доставлять хлопот другим.

Канарейка запела, заполняя возникшую неловкую паузу.

– Ну, мужики, а чего сразу – газета? – разводит гулливер-  
скими ручищами сержант номер «1». – Ну ошиблись, ну бы-  
вает... А чо мы думать были должны? Вы войдите в положе-  
ние. Будьте людьми...

Он бы минуту назад так разговаривал...

– Старина, тебя как звать? – обращается виртуоз дубинки  
к Арви, протягивая ему предмет, смутно похожий на очки.

Я перевожу. Арви не отвечает... И не потому, что обидел-  
ся.

Кажется, мой несчастный компаньон забыл, как его  
звать... Либо ему отбили часть мозга, отвечающую за па-  
мять...

Как бы завтра не началась вторая русско-финская война.  
Надо спасти бывшую родину.

– Вот до чего человека довели! Имя забыл! Теперь на ле-  
карства до пенсии работать будете!

И тут страж общественного порядка выдал фразу, украсившую бы защитную речь парламентария, обвиненного в сексуальных домогательствах:

– Так он... Это... Как бы... Сам...

После переглянулся с братом-близнецом, ища поддержки. Тот, разумеется, поддержал. Кивнул в знак полного согласия. Кто бы сомневался?

– Арви, они говорят, что ты упал сам, – сообщаю я компаньону радостную новость.

Бедный, бедный Арви... Он тоже соглашается... Быстро сломался. В тридцать седьмом он подписал бы признание в шпионаже после первого допроса. Слабак.

Но я, как закаленный боец, не теряю присутствия духа.

– Международный суд в Гааге разберется, кто сам, а кто нет. В любом случае, готовьтесь.

Стражи не совсем безнадёжные. Первый тут же предлагает альтернативу:

– Дык... Давайте мы к ветеринару вас проводим. Тут рядом.

– А на хрена вам ветеринар? – уточняет страж номер «2». Я повторяю историю с сертификатом и таможей.

– Да чо вы, с ума спятили? Какой ветеринар? Зачем? Замотайте птицу скотчем, чтоб не вякала, суньте в карман, а клетку выкиньте.

– А что сказать на таможе?

– Да то и скажите. Улетела, пока осматривали... Степа-

ныч, у вас скотч есть?

Майор открывает ящик стола, достает катушку широко-го скотча цвета «кофе с молоком». Сержант, не дожидаясь нашего согласия, берет катушку, зубами отцепляет край, затем сует лапищу в клетку и вытаскивает протестующую канарейку. Через секунду она лежит на столе, обернутая тремя слоями липкой ленты, словно мумия бинтами.

– Очумел? Задохнется! – Сержант номер «1» хватает птичку и освобождает ей клюв. – Во.

– Она ж чирикать будет.

– Если в карман сунуть, не будет. Они в темноте не поют. У теть Маши такая же. Держите, мужики... А клетку в Нарве новую купите...

Они б еще наручники на нее надели. Я осторожно забираю негодующую канарейку и запихиваю в карман пиджака. Действительно, она тут же замолкает.

Финны опять не реагируют. Уместней сказать – уже не реагируют. Не задают идиотских вопросов типа: «А зачем это полицейский замотал канарейку скотчем?» Поняли, что лишний вопрос – лишний синяк. Жизнь дается человеку один раз, в том числе и в Финляндии.

– Вот и делов, – по-детски улыбается сержант, – а с ветеринаром связываться себе дороже... Он еще денег попросит.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.